

Фундаментальная психология

В.А. Петровский

ЧЕЛОВЕК НАД СИТУАЦИЕЙ

Вадим Артурович Петровский

Человек над ситуацией

Серия «Фундаментальная психология»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5974696

Человек над ситуацией / Петровский В. А.: Смысл; Москва; 2010

ISBN 978-5-89357-408-1

Аннотация

В новой книге одного из ведущих отечественных психологов представлена авторская концепция надситуативной активности человека – свободной причинности «Я». Формулируется принцип активной неадаптивности: осознанной постановки целей с непредрежденным результатом достижения (риск, познание). Рассматривая субъектность («я») как определяющую характеристику личности, автор предлагает логико-математическую типологию смысловых миров, сопричастующих в личности. Вводится понятие «состоятельность» (единство «хочу» и «могу»), описывающее уровень благополучия и дееспособности человека; предлагается ее математическая модель. Рассмотрены модели «субъектных сборок», позволяющие человеку достичь оптимума своей состоятельности.

После выхода первого издания автор был удостоен премии НИУ ВШЭ «Золотая вышка-2011» за достижения в науке.

Книга будет с интересом прочитана профессиональными психологами, философами, логиками, специалистами в области моделирования поведения и сознания.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Введение	5
Часть 1. Бессубъектность: феноменология неадаптивности	9
Глава 1. Парадокс исчезновения деятельности	9
Деятельность в суждениях здравого смысла	9
Деятельность ...исчезла?!	17
Глава 2. Постулат сообразности и принцип самодвижения деятельности	37
Стремление к «конечной цели»?	37
Деятельность и активность	59
Глава 3. Двуединство деятельности	77
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Вадим Петровский

Человек над ситуацией

*Живой памяти моего отца, Артура
Владимировича Петровского,
посвящаю*

Введение

Когда мы смотрим на свои детские фотографии, мы, порою, испытываем двоякое чувство. Я, вернее тот ребенок на снимке, – это, конечно, «не я»; у него не было еще моих мыслей и чувств, моих помыслов; он не сделал еще тех ошибок, за которые теперь мне стыдно; он желал и стыдился иного; его лицо узнаваемо, но... Его собственные дети сегодня, как в моем случае, изумляются: «Папа, это что – ты?» С другой стороны, мы ощущаем глубокую связь между собой и тем ребенком на карточке; мы оба творим что-то, стремимся к чему-то, смотрим в одном направлении... Всё – сообща...

Нечто подобное я испытываю, читая свои работы тридцати-сорокалетней давности. Я дорожу ими. Я помню, как они рождались. Я помню битвы, в которых участвовал. Это ведь только сейчас такие слова, как «надситуативность», «субъектность», «персонализация» кажутся привычными и от ве-

ка существовавшими в обиходе психолога. Но это только сейчас. Помню, как меня отговаривали говорить о «надситуативной активности» («это не приживется»). Многие годы спустя, весьма талантливый студент (мы много общались после), на одной из зимних школ факультета психологии Московского университета повествовал о «надситуативной активности». Я спросил его: «Кто и когда ввел это понятие?» Ответ был: «Это все знают. Слова народные»... – и был явно смущен, что понятие имеет возраст и авторство. Помню, с каким недоверием было встречено слово «субъектность» (зачем тебе эта «ность»?)... «Персонализация» интерпретировалась как «надевание маски», что порождало «вполне естественную» критику предложенной мною концепции личности...

Базовый феномен, с которого автор ведет отсчет своим разработкам (с самого начала 70-х годов), – это эмпирически исследованный им феномен «влечения человека к границе», надситуативной тенденции к риску, активной неадаптивности. «Бытие на границе», «трансценденция границ», «трансфинитность» («бытие без границ») – таковы формы и проявления активности индивидуума, в которых он сам себе автор и господин.

Эта новая книга – дань старым работам, написанным мною в годы юности, а с учетом отстояния во времени, можно сказать, «психологического детства». Она, как и первая книга о неадаптивной активности, посвящена моему отцу,

Артуру Владимировичу Петровскому, умевшему с необычайным тактом поддерживать мои детские фантазии и проекты, своего рода воспоминания о будущем, и – первого эксперта по делам взросления сына... С момента опубликования ранней книги, «Психология неадаптивной активности», изданной малым тиражом и ставшей библиографической редкостью (мои друзья одалживают ее мне), прошло 15 лет. За это время существенно расширился диапазон исследований, посвященных неадаптивности, защищаются кандидатские и докторские диссертации об этом феномене, «выросла» и оформилась мультисубъектная теория личности, появились формально-математические модели, описывающие и, главное, предсказывающие поведение человека в различных жизненных ситуациях.

Явления неадаптивности рассматриваются мною в контексте таких категорий, как «субъект», «личность», «индивидуальность», которые, таким образом, приобретают статус «эмпирических», а не только метафизических, конструкторов. Несмотря на философский статус опорных идей книги (начиная с идеи «*causa sui*») и интенцию к построению математических моделей активности, автор – прежде всего психолог, сохраняющий верность эксперименту, операционализации понятий, проверке гипотез. В тех случаях, когда этого не происходит, перспектива эмпирических решений подразумевается.

Два слова о форме изложения. Когда-то я прочитал, что

книги для взрослых должны быть такими же, как и книги для детей, «только немного хуже». Это книга, уж точно, «немного хуже», чем книга для детей, так как она написана для взрослых. Но ведь в каждом взрослом живет ребенок, поэтому я старался, во всех случаях, когда это было возможно, обращаться к берновскому Дитя читателя. (Что такое «берновское Дитя»? Об этом читатель, не знакомый с транзактным анализом, узнает дальше.) Дилемму «строгость – легкость» изложения я решал в пользу строгости. Но если была возможность сократить путь читателя к пониманию, я никогда не отказывался от этой возможности. Если, например, был повод обратиться к метафоре, я это делал. Если вспоминались житейские выражения или слова, подчеркиваемые компьютером как просторечные, «слова с выраженной аффективной окраской», я не устранял их.

Я признателен многим коллегам и близким за помощь в работе над этой книгой. Прежде всего, моей жене, Марине Владимировне Бороденко, без которой этот проект вряд ли бы осуществился. Выражаю особую благодарность Дмитрию Алексеевичу Леонтьеву. Он поставил меня в ситуацию «невыбора» быть или не быть этой книге и предложил мне назвать ее «Человек над ситуацией».

В. А. Петровский

Москва, май 2010

Часть 1. Бессубъектность: феноменология неадаптивности

Глава 1. Парадокс исчезновения деятельности

Деятельность в суждениях здорового смысла

Мало кого в наши дни мог бы удивить очередной пример существования конфликта между тем, как тот или иной объект предстает перед очами «здорового смысла», и тем, как тот же объект раскрывается в рамках научной теории. Скорее, наоборот, – когда теоретические и обыденные представления, специфически выражающие особенности данного объекта, не сливаются между собой и даже противостоят друг другу, то это закономерно и все с большей готовностью воспринимается широкой аудиторией как своеобразная норма «научности» соответствующих теоретических взглядов. В противном случае говорят, что теория бедна, что ее методологические предпосылки неконструктивны или что она

не располагает эффективными средствами анализа исследуемых явлений.

Казалось бы, с этих позиций можно было бы взглянуть и на проблему деятельности, которая в последнее время оживленно обсуждается в философии и психологии. Между тем, если коснуться вопроса о соотношении теоретических и обыденных представлений о сущности деятельности, то выясняется, что к сегодняшнему дню здесь сложилась поистине гротескная ситуация: обыденный взгляд на деятельность сталкивается не с какой-нибудь устойчивой и целостной системой ревизующих его научных воззрений, а с принципиально разными, подчас активно противоборствующими и реально противостоящими друг другу взглядами. Это относится и к определению сущности деятельности, и к описанию ее структуры и функций, и к установлению ее специфических детерминант и т. д. В результате возникает весьма любопытный парадокс, достойный специального обсуждения.

Обратимся поначалу к довольно привычному обыденному пониманию деятельности, — для того только, чтобы затем установить, какие метаморфозы она претерпевает, когда становится объектом методологического и теоретического анализа.

В том интуитивном понимании деятельности, которое соответствует обычному и повседневному словопотреблению, традиционно различается ряд признаков.

Субъектность деятельности. Обычно говорят: «Деятельность субъекта», «реализуется субъектом», «определяется субъектом». Зарисуем того, о ком идет речь:

Рис. 1.1. «Субъект»

«Деятельность носит индивидуальный, личный характер» – это и есть постулат, который как будто бы стоит вне критики. Говорим «деятельность» – подразумеваем «субъект деятельности». Стоит на секунду абстрагироваться от представления об активном, целостном, телесном существе, живом теле, которому противостоят наряду с окружающей средой другие такие же существа, как в тот же миг отпадет и представление о деятельности. Таково убеждение, присущее обыденному сознанию. Оно включает в себя тот взгляд, что, перенимая опыт других, индивидуум¹, носитель этого актив-

¹ Здесь и далее, говоря «индивидуум», мы имеем в виду то, что люди обычно понимают под «человеком», единичным представителем человеческой общности. «Индивидуум» – это Петр, Павел, Наталья, Татьяна, то есть тот или та, о ком говорящий думает как о подобном себе существе, объединяя в своем представлении разные ипостаси его бытия (витальные – «организм», экзистенциальные –

ного отношения к миру, способен «сам» структурировать свое поведение в среде, защищать свои собственные интересы, отличимые от интересов других, включать других людей в круг своих интересов и т. п., что, собственно, и характеризует его как «деятеля», «активного деятеля в среде» (последняя формулировка принадлежит М. Я. Басову – *Басов*, 1928).

Всякое иное понимание субъекта приобретает в наших глазах до определенной степени условный, метафорический смысл. Конечно, мы вполне уверены в своем праве говорить: «коллективный» субъект, «общественный» субъект и т. п. Мы не испытываем никаких лексических затруднений, говоря, например, об обществе как «субъекте» деятельности или что-либо подобное этому. Но всякий раз в таких случаях мы все же опираемся на идею индивидуального субъекта как первоначальную и как будто бы единственно достоверную, такую, которая дает как бы прообраз всех будущих возможных представлений о субъекте вообще.

Объектность деятельности. Образ деятельности в обычном сознании включает в себе представление о том, что

«индивид», социальные – «личность», духовные – «человек»). Конечно, в этом пункте логично было бы начать с вопроса: а что, в таком случае, есть «человеческая общность» и нет ли здесь риска допустить логическую ошибку «*circulus in definiendo*» – «круг в определении»? Нет, мы не допустим подобной ошибки, если прибегнем к единственно возможному в этом контексте остенсивному определению – через прямое указание: «вот, вот и вот, кто образует “человеческую общность”, в отличие от всех других» (и далее прямо указываются те, кто не входит в определяемый класс).

она объектна, «направлена на объект» (рядом с субъектом рисуем объект):

Рис. 1.2. «Объект» (на фоне «Субъекта»)

Что же представляет собой при этом объект деятельности? Во-первых, это то, что противостоит живому одушевленному субъекту как вещь, на которую направлена его активность и которая в рамках этого противостояния выступает как ни в чем не подобная субъекту. Из этого следует и второй эмпирический признак объекта – содержащееся в нем «разрешение» на два основных способа отношения к нему со стороны субъекта: преобразование или приспособление. И здесь, таким образом, деятельность сводится к проявлениям адаптивной активности субъекта, различаемым лишь по тому, приспособливается ли субъект к вещи или вещь приспособливает его к себе.

Впрочем, в педагогике и педагогической психологии нередко говорят об учащемся как об объекте учебной дея-

тельности. Однако обычно сразу же следует оговорка, что ученик также и субъект учения. Тем самым подчеркиваются особое место и своеобразие данной деятельности в ряду других ее видов, рассматриваемых как реализация «субъект-объектного» отношения.

Деятельность – процесс. Мысль о деятельности как процессе кажется не требующей специального обсуждения: разве не движение живого тела в пространстве, не динамика кинематических цепей его, не некая непрерывная кривая в субъектно-объектном «пространстве – времени» определяет собой деятельность? И разве можно представить себе деятельность как-то иначе? Ответом на эти вопросы является убеждение, что деятельность есть процесс, осуществляемый между субъектом и объектом (см. рис. 1.3):

Рис. 1.3. «Процесс», связывающий «Субъект» и «Объект»

Предваряемость деятельности сознанием. На основе чего, спрашиваем мы, повинуюсь традиции здравого смысла,

осуществляется та или иная деятельность? Что исходным образом регулирует ее течение? Что задает направленность конкретной деятельности?

Деятельность, в основе которой не лежало бы какое-то знание, какое-то ясное представление о мире, осознанный образ этого мира или цель субъекта, это, говорим мы, уже не есть деятельность, а есть не более чем «пустая фраза». Поэтому для того, чтобы конкретно охарактеризовать и понять деятельность, необходимо заглянуть в субъективный мир человека, осветить, так сказать, глубины его сознания, чтобы именно там отыскать истоки и детерминанты деятельности.

Итак, ответ на эти вопросы напрашивается: сознание – вот что регулирует деятельность! «Зарисуем» эту идею:

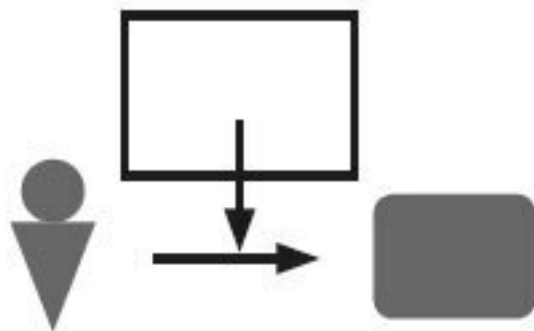

Рис. 1.4. «Сознание» возглавляет процесс

Помимо указанных четырех характеристик деятельности, описывающих ее так, будто бы это признаки самой деятельности, а не наши представления о ней, можно выделить еще один признак, который, в отличие от предыдущих, «онтологических», описывает деятельность в гносеологическом плане.

Наблюдаемость деятельности. Она, деятельность, считается наблюдаемой, «видимой», фиксируемой в восприятии наблюдателя, причем фиксируемой именно непосредственно, «глазом», подобно тому, как непосредственно воспринимаются обычные вещи. Безразлично, какой наблюдатель при этом имеется в виду: «внешний», то есть наблюдающий за человеком со стороны, или же «внутренний», то есть сам субъект деятельности, выступающий в роли наблюдателя (ниже, на рис. 1.5, появятся угловые скобки, $< >$, символизирующие внутреннего и внешнего наблюдателей).

Итак, с точки зрения обыденного сознания, деятельность субъектна, объектна, является процессом, предваряется сознанием и непосредственно наблюдаема (портрет деятельности в обыденном сознании приводится на рис. 5):

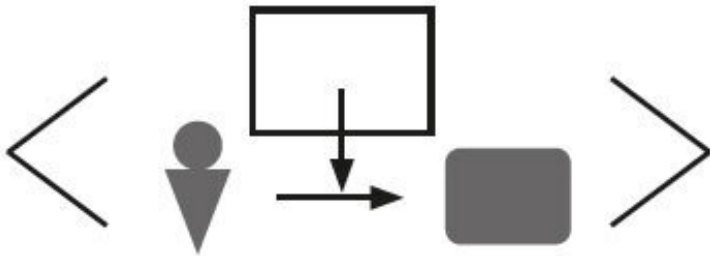

Рис. 1.5. Портрет деятельности с точки зрения «неискушенных»

Таково, на первый взгляд, наиболее естественное и вполне оправданное понимание деятельности, которое как будто бы не требует никакого пересмотра со стороны теоретика, и могло бы в таком «готовом» виде войти в общую картину мира, в круг теоретических представлений о деятельности. Кто, казалось бы, мог посягнуть на эти положения, как бы неоспоримые? Между тем именно они нередко становятся объектом теоретических посягательств.

Деятельность ...исчезла?!

Вглядимся, во что превращается построенный выше макет деятельности под прицельным огнем методологической критики. Для этого суммируем некоторые «экспертные оценки», даваемые теоретиками.

Деятельность бессубъектна. Напомним, что «субъект» есть индивидуум как носитель и творец деятельности – единое, неделимое существо, производящее деятельность. Всякое другое понимание субъекта, как было подчеркнуто, представляется условным и метафоричным и, более того, «само предположение, что вопрос может ставиться как-то иначе, например, что деятельность носит безличный характер, кажется им <большинству людей. – В.П.> диким и несуразным» (*Щедровицкий, 1977, с. 88*). «Но есть, – продолжает цитируемый автор, – совершенно иная точка зрения. Работы Гегеля и Маркса утвердили рядом с традиционным пониманием деятельности другое, на наш взгляд, более глубокое. Согласно ему, человеческая социальная деятельность должна рассматриваться не как атрибут отдельно-го человека, а как исходная универсальная целостность, значительно более широкая, чем он сам. Не отдельные индивиды тогда создают и производят деятельность, а наоборот, она сама “захватывает” их и заставляет вести себя определенным образом. По отношению к частной форме деятельности, речи-языку, В. Гумбольдт, как известно, выразил эту мысль так: “Не люди овладевают языком, а язык овладевает людьми”. Деятельность трактуется, таким образом, как то, что по существу своему надиндивидуально, хотя, безусловно, и реализуется индивидуумами (в соответствующих актах деятельности). Не деятельность принадлежит людям, а сами люди оказываются “принадлежащими деятельности”, “при-

крепленными к деятельности”» (*там же*).

Приведенная цитата наиболее точно выражает собой позицию основателя одной из достаточно влиятельных школ, объединяющей к настоящему времени представителей различных специальностей: философов, логиков, психологов, системотехников и др., развивающих особую теорию, которая обозначается в их трудах как «общая теория деятельности».

И этот взгляд побуждает усомниться в традиционном «субъекте» деятельности, поскольку она – должны сказать мы, следуя логике такого подхода, – безлична, то есть индивидуум не выступает в качестве ее субъекта. Субъект «исчезает» (см. рис. 1.6)²:

Рис. 1.6. Исчезновение субъекта

² Феномен сомнения в атрибутах символизируется инверсией цвета и крестиком в верхнем правом углу каждого из ранее рассмотренных рисунков.

Деятельность не направлена на объект. Согласно обыденным представлениям, как мы помним, в деятельности реализуется субъект-объектное отношение к миру. Развитие деятельности не мыслится иначе как результат практических или теоретических актов, направленных на объект. Ставится ли кем-нибудь под сомнение правомерность подобной точки зрения, сводящей деятельность и связанные с нею процессы развития к реализации субъект-объектных отношений? Да, ставится!

В известном нам выступлении (к сожалению, устном) одного из видных философов³ – Г. С. Батищева, подчеркивалось, что до сих пор все еще слишком распространена манера обсуждать проблематику деятельности даже внутри философии при непоставленности под сомнение и непреодоленности сведения «деятельности» к представлениям о «технокогнитивном отношении» субъекта к объекту. При этом субъект—объектное отношение рассматривается лишь как ветвь на древе отношений субъект-объектных, что совершенно недопустимо.

«Сомнение», о котором идет речь, конечно, не есть одно лишь мнение или одно из мнений известного философа.

³ В нашей книге, образца 1993 г., написанной в 1984 г. по материалам лекций 1978 г., о Генрихе Степановиче Батищеве было сказано «видный советский философ» – эпитет «советский» менее всего подходит к острому на язык, я бы сказал, негибкому человеку, способному отстаивать свои неординарные взгляды всегда и со всеми, невзирая на лица.

За этим сомнением вырисовывается позиция, которую начинает разделять все большее число современных философов и психологов. Тем самым формируется особая, «субъект-субъектная», парадигма в трактовке деятельности. Сущность формирующегося подхода заключается в том, что в качестве нового предмета анализа выделяется та сторона деятельности, которая интенционально ориентирована на другой субъект. Конечная ориентация здесь – не преобразование вещи или сообразование с вещью в целях насыщения тех или иных интересов агента активности (деятеля), а другой человек, «значимый другой», которому первый адресует свои проблемы и ценности.

Таким образом, деятельность отнюдь не всегда «вещна», «объектна» (хотя без вещи, по-видимому, в ее трактовке не обойтись – что, впрочем, не всегда специально оговаривается). Наоборот, собственно человеческая деятельность, реализующая его «сущностные силы», есть деятельность, ориентированная на другого человека, реализация субъект-субъектных, а не субъект-объектных, отношений. Итак, вслед за Г. С. Батищевым, сомневаемся в обязательности объектной направленности деятельности (см. рис. 1.7):

Рис. 1.7. Исчезновение объекта

Деятельность не есть процесс. Можно усомниться в субъектности или объектности деятельности. Но можно ли усомниться в том, что деятельность есть процесс? В результате проведения строгого анализа содержания понятия «процесс» было убедительно показано, что деятельность не может быть непосредственно представлена как процесс (Щедровицкий, 1977). Мы бы изложили этот взгляд так.

Первое. О «процессе» разумно говорить лишь тогда, когда есть что-то, что подвергается изменению. Развитое научное мышление не может обойтись без представлений, фиксирующих происходящую во времени смену некоторых состояний вещи при относительной неизменности самой вещи. Тем самым фиксируется некоторый объект – «носитель процесса».

Деятельность же открывается нам в виде переходов, происходящих между различными объектами-носителями. Например, индивидуальная деятельность выступает как движе-

ние субъекта, переходящее в движение ее объекта, которое в свою очередь переводится в новые формы движения субъекта, и т. п.

При более дифференцированном взгляде на субъект и объект деятельности, например при разделении ее материала и средств, она выступает перед нами как еще менее гомогенная по своему строению, как «разноосновная». Еще более демонстративным образом гетерогенность деятельности (отсутствие чего-то единого, что подлежит изменению) выступает в коллективной деятельности, в деятельности, реализация которой требует техники, вычислительных машин и т. п. Все это примеры, когда деятельность одна, но реализуется разными агентами, предстает как эстафета процессов.

Второе. Тот факт, что «процессу» отвечает один и тот же объект, рассматриваемый как носитель процесса, вовсе не означает, что последний внутренне не дифференцирован, что он не выступает той или иной своей стороной или частью, что он в наших глазах аморфен. Нет, наоборот, идея процесса, позволяющая сказать: «Вот перед нами тот же самый объект, но в нем изменяется что-то», – непосредственно указывает на существование, по крайней мере, одной выделенной части объекта, а именно той его части, которая рассматривается как его изменяемая часть. Примерами таких «частей» (качеств, сторон, свойств) могут служить: температура, электропроводность, вес, цвет, положение тела в пространстве и т. п. Процесс, затрагивая какую-нибудь одну

часть объекта, выражается в последовательности смен состояний этой части во времени. С этой точки зрения, деятельность в отличие от процесса непосредственно нельзя представить в виде последовательности состояний какой-либо одной фиксированной части объекта (или строго параллельно изменяющихся многих его частей). Так, этапы программирования и осуществления той или иной индивидуальности деятельности реализуются разными «частями» индивидуума и, кроме того, взаимообуславливают друг друга, частично перекрещиваясь, частично расходясь друг с другом. Тем более, сказанное относится и к характеристике массовой деятельности, в целом реализующей движение общественного производства. Последнее может быть описано двояким образом: и в виде переходов от одних изменяющихся объектов к другим, и в виде переходов от одних изменяющихся «частей» к другим «частям» в пределах одного и того же объекта, в данном случае того, что может быть названо «обществом». В обоих случаях для описания всего происходящего, очевидно, непригоден термин «процесс».

Третье. Помимо отмеченных двух моментов, должен быть назван еще один, характеризующий процесс со стороны его непрерывности. В этом аспекте рассмотрения понятие процесса предполагает возможность выделения сколь угодно мелких (мелких) переходов между определенными состояниями выделенных «частей» этого объекта, так что из этих переходов как из единиц может быть реконструирован лю-

бой фрагмент процесса. Из этого следует, что при каждом таком разбиении процесса на последовательность переходов между его состояниями каждое предшествующее состояние переходит в одно и только одно последующее, и наоборот, каждому последующему соответствует одно и только одно предшествующее. Цепочка переходов, таким образом, не раздваивается и, кроме того, не сводит в один два ряда переходов между состояниями. Процесс, таким образом, представим сколь угодно мелкой, в пределах непрерывной, линейной цепочкой переходов между мгновенными состояниями объекта в предшествующих и, соответственно, в последующих моментах времени. Соответствует ли «деятельность» этой идее «процесса»?

На одном только примере речевой деятельности проиллюстрируем достаточно общую черту: разветвление процессов, реализующих деятельность. Не требуется специального знания психолингвистики, чтобы понять, что здесь мы имеем дело со сложным динамическим образованием, одну процессуальную «часть» которого образует собственно фонетический ряд, другую «часть» – планирование речевого высказывания (план мышления), между процессами мышления и произнесения слов выделяются процессы, реализующие взаимозависимость слова и мысли (порождение слова мыслью и становление мысли в слове). Речь, таким образом, не «выстраивается» в линейную цепочку, процессы, ее реализующие, переплетаются и ветвятся. Но картина этих пере-

плетений и ветвлений еще богаче. Достаточно рассмотреть существующие модели порождения высказываний: «артериальные» переходы от мысли к слову и «венозные» от слова к мысли еще сложнее, чем было показано и, если иметь в виду, что они лишь связывают между собой характеризующиеся своими специфическими закономерностями процессы мышления и произнесения слов, то становится разительней расхождение между этой картиной речевой деятельности и схемой процесса.

Одна из моделей порождения высказывания: «Первая ее ступень конструкция линейной внеграмматической структуры высказывания, его внутреннее программирование. Вторая ступень – преобразование этой структуры в грамматическую структуру предложения. Третья ступень ее реализация последней. Если мы имеем дело с достаточно сложным высказыванием, есть основания предполагать, что на первой ступени мы имеем нечто вроде набора “ядерных утверждений” Осгуда, конечно, как Поручик Киж, “фигуры не имеющих”, то есть еще не оформленных ни лексически, ни грамматически, ни, тем более, фонетически. При восприятии речи все происходит в обратном порядке...» (Леонтьев А. А., 1969, с. 124–125). Здесь, однако, еще не рассматривается феноменология «самослышания», «самоинтерпретации»: всегда ли обратная развертка собственного высказывания тождественна его исходным посылкам? Ведь если бы это было всегда так, мы бы никогда не замечали случайной двусмыс-

ленности произнесенных нами слов.

Поднимаясь от этого частного примера к общей оценке динамических особенностей деятельности, приходится констатировать, что деятельность непосредственно непредставима как процесс (см. рис. 1.8):

Рис. 1.8. «Деятельность не есть процесс»

Деятельность не предваряется сознанием. В ходе разработки проблемы деятельности представление о первичности сознания по отношению к деятельности было радикально пересмотрено в работах А. Н. Леонтьева и его школы. Первые шаги «деятельностного подхода» в психологии были ознаменованы восходящей к Ж. Пиаже и Л. С. Выготскому идеей «интериоризации» (перехода извне вовнутрь) объективных отношений, существующих в природе и обществе. А. Н. Леонтьев при этом сосредоточил свое внимание на исследовании становления психического образа мира, теоретически и экспериментально обосновав тот тезис, что осно-

вой любых форм психического отражения, от элементарных до наисложнейших, является активность субъекта, причем последняя в своих генетически ранних проявлениях должна быть понята как внешне-предметная, регулируемая не изнутри (теми или иными готовыми психическими содержаниями), а извне – объектами и отношениями окружающего мира. «Согласно внутренней логике этой теории, – отмечает В. В. Давыдов, – конституирующей чертой деятельности должна быть ее предметность. Она обнаруживается в процессе преобразования деятельности через ее подчинение (в других местах говорится об “уподоблении”) свойствам, явлениям и отношениям от нее независимого предметного мира. Поэтому может быть оправдан вывод о том, что это качество деятельности выступает как ее универсальная пластичность, как ее возможность преобразовываться в процессе принятия на себя, впитывания в себя тех объективных качеств предметов, среди которых и в которых должен существовать и действовать субъект. Преобразованиями такой деятельности управляют сами предметы в процессе практических контактов субъекта с ними. Иными словами, превращения и преобразования деятельности человека как целостной органической системы, взятой в ее полноте, происходят при ее пластичном и гибком подчинении объективным общественным отношениям людей, формам их материального и духовного общения. Таков один из “явно непривычных моментов”, характеризующих деятельность, и таково одно из

положений, выражающих “глубокую оригинальность и подлинную нетрадиционность его (А. Н. Леонтьева) подхода к проблеме построения психологической теории”» (Давыдов, 1979, с. 32).

Тем, кому посчастливилось слушать яркие лекции Алексея Николаевича Леонтьева, памятен пример, который не был бы так доходчив, если бы не удивительная пластика жеста лектора. «Понимаете, – говорил он, как всегда, с подкупающей доверчивостью к понятливости слушателей, – рука движется, повторяя контуры предмета, и форма движения руки переходит в форму психического образа предмета, переходит в сознание». И его длинная узкая ладонь легко скользила по краю стола.

«На первоначальных этапах своего развития, – продолжает свое повествование А. Н. Леонтьев, – деятельность необходимо имеет форму внешних процессов... Соответственно, психический образ является продуктом этих процессов, практически связывающих субъект с предметной действительностью». Если же отказаться от изучения этих внешних процессов как генетически ранних форм производства образа, то «нам не остается ничего другого, как признать существование таинственной “психической способности”, которая состоит в том, что под влиянием внешних толчков, падающих на рецепторы субъекта, в его мозге – в порядке параллельного физиологическим процессам явления – вспыхивает некий внутренний свет, озаряющий человеку мир,

что происходит как бы излучение образов, которые затем локализуются, “объективируются” субъектом в окружающем пространстве» (Леонтьев А. Н., 1975, с. 92–93). В работах А. Н. Леонтьева, А. В. Запорожца, Л. А. Венгера, Ю. Б. Гиппенрейтер, В. П. Зинченко, их сотрудников и учеников идея по рождению психического образа в деятельности, производности сознания от чувственно практических контактов субъекта с окружающим миром прослеживалась экспериментально и в значительной мере была обобщена в формуле «восприятие как действие». Такой подход к психологии восприятия составляет необходимое условие понимания генезиса сознания в деятельности, служит конкретно-психологической формой реализации того положения, что «идеальное есть материальное, пересаженное в голову человека и преобразованное в ней» (К. Маркс). Человеческая чувственная предметная деятельность рассматривается как производящая основа, «субстанция» (А. Н. Леонтьев) сознания. Таким образом, отвергается универсальность тезиса, согласно которому сознание предвосхищает деятельность, и наоборот – утверждается, что деятельность предшествует сознанию. Еще одна «бесспорная» характеристика деятельности теряет силу (рис. 1.9):

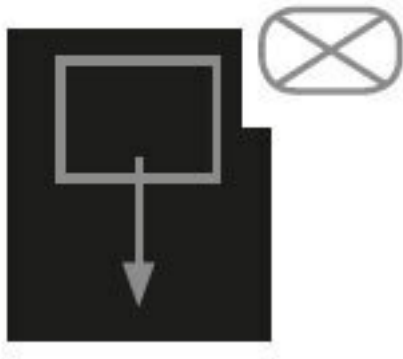

Рис. 1.9. «Деятельность не предваряется сознанием»

Деятельность невидима. Достаточно внимательно познакомиться с основными работами А. Н. Леонтьева, чтобы понять, что деятельность в них ни в коей мере не может быть отождествлена с поведением, – активностью в ее внешних проявлениях. Принцип предметности и, соответственно, круг феноменов предметности («характера требований», «функциональной фиксированности» объектов и т. п.) «позволяют провести линию водораздела между деятельностным подходом и различными натуралистическими поведенческими концепциями, основывающимися на схемах “стимул-реакция”, “организм-среда” и их модификациях в необихевиоризме» (Асмолов, 1982). Выразительный пример того, что предмет деятельности отнюдь не тождествен вещи, с которой в данный момент непосредственно

взаимодействует человек и которая непосредственно доступна стороннему наблюдателю, приводит А. У. Хараш, напоминая об одном примечательном эпизоде, рассказанном К. Лоренцем. Известный этолог однажды водил «на прогулку» выводок утят, замещая собой их мать. Для этого ему приходилось передвигаться на корточках и, мало того, непрерывно кричать. «Когда я вдруг взглянул вверх, – пишет К. Лоренц, – то увидел над оградой сада ряд мертвенно-белых лиц: группа туристов стояла за забором и со страхом таращила глаза в мою сторону. И не удивительно! Они могли видеть толстого человека с бородой, который тащился, скрючившись в виде восьмерки, вдоль луга, то и дело оглядываясь через плечо и кричал – а утята, которые могли хоть как-то объяснить подобное поведение, утята были скрыты от глаз изумленной толпы высокой весенней травой. Страх на лицах зрителей – это не что иное, как их невербальный самоотчет о том перцептивном впечатлении, которое так хорошо воспроизвел сам К. Лоренц. Его деятельность наблюдалась в урезанном виде – из нее был полностью “вырезан” *предметный, смыслообразующий кусок*» (Хараш, 1980, с. 3).

Нетождественность деятельности поведению по критерию воспринимаемости («данности», «видимости», «наблюдаемости») – не единственный дифференцирующий признак соответствующих понятий. Мы же отмечаем его в связи с нашей основной задачей: показать, что и этот признак – «наблюдаемость» деятельности – критически переосмысливает-

ся методологами.

Но, может быть, речь идет только о том, что деятельность всегда наблюдаема со стороны и достаточно встать на позицию «внутреннего» наблюдателя, как картина деятельности мгновенно откроется наблюдателю, и деятельность станет «видимой»? Увы, и это не всегда так! Если бы все обстояло именно таким образом, то, пожалуй, была бы совсем неоправданна критика интроспективного метода исследования психических явлений (этот метод претендовал на прямое изучение сознания «изнутри», глазами внутреннего наблюдателя), не нужны были бы какие-либо специальные приемы, позволяющие человеку понимать самого себя; да и вся современная психология, не слишком-то доверяющая непосредственным свидетельствам внутреннего опыта человека, должна была бы быть существенно упразднена. Деятельность «изнутри» воспринимается и переживается далеко не во всей ее целостности, зачастую искаженно, видение деятельности нередко выступает в качестве особой деятельности субъекта (рефлексии), иногда не приносящей, в сущности, никаких иных, кроме негативных, результатов. Таков, например, феномен «безобразности мышления», открытый вюрцбургской школой: отсутствие структурированных и содержательно интерпретируемых данных сознания, выступающих в качестве промежуточных продуктов решения ряда интеллектуальных задач. Так же и мотивы человека (предметы его потребности), как подчеркивается большинством

исследователей, могут находиться «за занавесом сознания».

Деятельность, таким образом, может быть «невидимой» — ни извне, ни изнутри. «Скобки», символизирующие «наблюдаемость» деятельности, исчезают:

Рис. 1.10. «Деятельность невидима»

Подведем итоги всему сказанному. Если попытаться учесть и равным образом принять за основу взгляды главных «разработчиков» проблемы деятельности — авторитетных философов, методологов, психологов — и, опираясь на соответствующий круг идей, вновь попробовать ответить на вопрос «Что же такое деятельность?», то мы вынуждены будем констатировать следующее. Оказывается, что все то, что обыденному сознанию представлялось определяющим в описании деятельности, не является для теоретиков чем-то непреложным и обязательным. Наоборот, базисные ха-

характеристики деятельности, выделяемые в суждениях здравого смысла, не могут быть сколько-нибудь надежно связаны с тем, что должно быть понято как деятельность, и без всякого ущерба для «деятельности» могут быть отъединены от нее. Деятельность необязательно «субъектна» и необязательно «объектна», ее нельзя непосредственно представить как «процесс», она не всегда предвосхищается сознанием и к тому же временами «невидима». Субъектность, объектность, представимость в виде процесса, предвосхищаемость сознанием, наблюдаемость – все эти, казалось бы, внутренне присущие деятельности характеристики опровергаются (скажем мягче, не отмечаются) в качестве ее атрибутов (см. рис. 1.11).

Деятельность – исчезла?

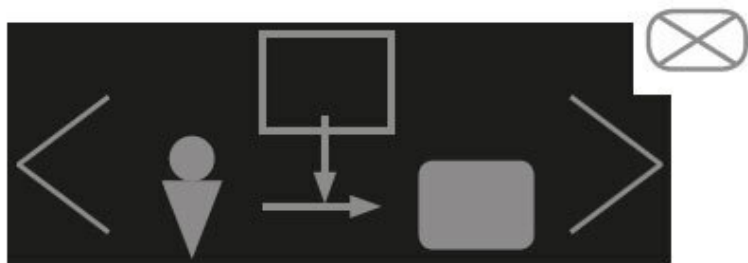

Рис. 1.11. «Исчезновение деятельности»

Исчезла ли деятельность? Отвечая на этот вопрос, мы в первую очередь должны выяснить, на какой идейной осно-

ве рождается тот образ деятельности, который вначале кажется вполне приемлемым, а затем буквально сходит на нет, как только становится объектом методологической рефлексии. Здесь мы столкнемся с кругом не всегда резко очерченных и не всегда осознаваемых установок исследователей, совершенно разных по своим убеждениям, но придерживающихся, тем не менее, одного и того же принципа в понимании поведения и сознания человека – «постулата сообразности».

Далее мы обратимся к анализу тех методологических предпосылок, которые лежат в основе критики обыденных представлений о деятельности, и попробуем установить, в чем заключается действительная общность (и имеется ли она) позиций тех, чьи критические суждения о деятельности привели к ее «разрушению». Обращаясь в этой связи к феномену самодвижения деятельности, мы вплотную подойдем к проблематике активности личности и наметим возможные пути «восстановления» деятельности.

Глава 2. Постулат сообразности и принцип самодвижения деятельности

Стремление к «конечной цели»?

В самом фундаменте эмпирической психологии лежит некая методологическая предпосылка, имеющая характер постулата. Он мог бы быть обозначен как «постулат сообразности»⁴. Индивидууму приписывается изначальное стремление к «внутренней цели», в соответствии с которой приводятся все без исключения проявления его активности. По существу речь идет об изначальной адаптивной направленности любых психических процессов и поведенческих актов. Понятия «адаптивность», «адаптивная направленность» и т. п. трактуются здесь в предельно широком смысле. Имеются в виду не только процессы приспособления индивидуума к природной среде (решающие задачу сохранения телесной целостности, выживания, нормального функционирования и т. д.), но и процессы адаптации к социальной среде в виде выполнения предъявляемых со стороны общества тре-

⁴ Используемый нами термин «сообразность», согласно В. Далу, означает «соответствие чего-то чему-то», в данном случае – соответствие, сообразность всех психологических проявлений, входящих в деятельность предустановленной цели (см. Петровский В. А., 1975).

бований, ожиданий, норм, соблюдение которых гарантирует «полноценность» субъекта как члена общества. Говоря об адаптации, мы имеем в виду также и процессы «самоприспособления»: саморегуляцию, подчинение высших интересов низшим и т. п. Наконец, что особенно важно подчеркнуть, речь идет не только о процессах, которые ведут к подчинению среды исходным интересам субъекта. В последнем случае адаптация есть реализация его фиксированных предметных ориентаций: удовлетворение потребности, инициировавшей поведение, достижение поставленной цели, решение исходной задачи и т. д.

Приспосабливает ли индивидуум себя к миру или подчиняет мир исходным своим интересам – в любом случае он отстаивает себя перед миром в тех своих проявлениях, которые в нем уже были и есть и которые постепенно обнаруживаются, образуя базис многообразных явлений активности человека. Таким образом, под адаптацией понимается тенденция субъекта к реализации и воспроизведению в деятельности уже имеющихся у него стремлений, направленность на осуществление таких действий, целесообразность которых была подтверждена предшествующим опытом (индивидуальным или родовым). Подчеркнем, что, говоря об адаптации, адаптивной направленности, мы предусматриваем тот случай, когда человек может заранее и не знать, к чему именно, к какому предметному эффекту приведет его действие, и тем не менее, действовать адаптивно, если заранее известно,

к чему он стремится «для себя», что оно ему может дать. Поэтому адаптивные действия могут быть и творчески продуктивными, «незаданными». Адаптивными их делает наличие ответа на вопрос «зачем?».

Но это в свою очередь значит, что есть по отношению к всевозможным стремлениям субъекта цель более высокого порядка как основа ответа на вопрос «зачем?» – Цель с большой буквы. По отношению к ней те или иные частные стремления могли бы оцениваться как «адаптивные» или «неадаптивные». Постулат сообразности и заключается в открытом или скрытом признании существования такой Цели и приписывании ей роли основного «вдохновителя» и «цензора» поведения.

Смысл постулата сообразности заключается, следовательно, не столько в том, что индивидуум в каждый момент времени «хочет сделать что-то», то есть что он «устремлен» к какой-либо цели; смысл этого постулата в том, что, анализируя те или иные частные стремления человека, можно как бы взойти к той Цели, которая, в конечном счете, движет поведением, какими бы противоречивыми и неразумными не представлялись при «поверхностном» наблюдении основанные на ней побуждения и стремления людей.

В зависимости от того, какое жизненное отношение (стремление, Цель) принимается за ведущее, выделяются различные варианты постулата сообразности.

Гомеостатический вариант. В концепциях гомеостати-

ческого типа, восходящих к Кеннону (рефлексология в ее различных формах, «динамическая» психология К. Левина, теория когнитивного диссонанса Л. Фестингера и пр.), постулат сообразности выступает в форме требования к устранению конфликтности во взаимоотношениях со средой, элиминации «напряжений», установлению «равновесия» и т. п. Считается, что какое-нибудь событие, будь то изменение температуры окружающей среды или перемены в социальном статусе человека, выводит его из состояния равновесия; поведение же сводится к реакции восстановления утраченного равновесия.

Гедонистический вариант, восходящий к платоновскому «Протагору», в явной форме выдвинут в концепции «аффективного возбуждения» американского психолога Мак-Клелланда и его сотрудников. Согласно принятым здесь взглядам, действие человека детерминировано двумя первичными (primary) аффектами – удовольствием и страданием; все поведение интерпретируется как максимизация удовольствия и страдания.

Прагматический вариант. В качестве ведущего здесь рассматривается принцип оптимизации. Во главу угла ставится узкопрактическая сторона поведения (польза, выгода, успех). Например, типично следующее высказывание: «Даже если принятое кем-то решение кажется неразумным, мы все равно допускаем, что оно логично и обоснованно с учетом всей информации, связанной с анализом <...> Наш ос-

новной постулат состоит в том, что всякое решение действительно оптимизирует психологическую полезность, даже если посторонний наблюдатель (а может быть, и человек, принявший решение) будет удивляться сделанному выбору» (*Линдсей, Норман, 1974, с. 502*) Подобным же образом формулируется постулат «экономии сил», трактующий поведение по образцу «принципа наименьшего действия», почерпнутого из физики. Последний утверждает, что если в природе происходит само по себе какое-нибудь изменение, то необходимое для этого количество действия есть «наименьшее возможное». Так же и человеческое поведение: «Если данной, возникшей у человека цели можно достичь разными путями, то человек пытается использовать тот, который по его представлениям требует наименьшей затраты сил, а на избранном пути он расходует не больше усилий, чем, по его представлениям, необходимо» (*Ершов, 1972, с. 23*).

Ориентации, интерпретирующие психическую деятельность как универсально подчиненную адаптации к среде, в целом и образуют то, что выше было обозначено как «постулат сообразности». Действие этого постулата охватывает не только выраженные в теоретической форме воззрения различных авторов, но и целый ряд бессознательно или, если воспользоваться более точным выражением М. Г. Ярошевского, «надсознательно» используемых и глубоко укоренившихся в мышлении установок и схем.

Сфера применимости постулата сообразности в форме тех или иных его модификаций как будто бы не знает исключений, а возможности его приложений выглядят бесспорными. В самом деле, на первый взгляд кажется самоочевидным, что всякий акт деятельности ведет к какому-либо согласованию, приближает к предмету потребности, преднастраивает к будущим воздействиям среды и т. п. Одним словом, преследует непременно «полезную» цель, отвечает исключительно адаптивным задачам. Все, что угрожает благополучию (нарушает гомеостазис), расценивается как вредное, нежелательное, и потому те действия индивидуума, которые устраняют возникший «разлад», представляются естественными и единственно оправданными.

Когда все-таки встречаются «немотивированные» действия, то они выглядят или следствием всякого рода «отклонений» субъекта от нормы; или результатом «ошибок» в работе, которые в свою очередь объясняются неподготовленностью деятельности, дефицитом информации, отсутствием достаточной прозорливости, «незрелостью» и т. п.; или, наконец, действием какого-то скрытого мотива, который наряду с другими также преследует задачу обеспечения «гармонии» индивидуума с внешней средой.

Понятно, что постулат сообразности легко распространяется и на анализ тех действий, которые продиктованы, казалось бы, исключительно внешними требованиями и выглядят строящимися на иной основе – в соответствии с чу-

жими интересами и по чужой воле. Здесь в соответствии с тем же постулатом поведение индивидуума выводится из его автономных приспособительных устремлений, разве что более глубоких и существенных (сохранение жизни, имущества, престижа и т. п.). Что же касается внутренних проявлений активности, таких как установки, эмоциональные сдвиги, целостные или фрагментарные психические состояния и т. д., то и они, в конечном счете, согласно скрытому велению постулата сообразности, отвечают задачам индивидуально-го приспособления, хотя и более трудны для интерпретации. Так, отрицательные эмоции «нужны» индивидууму для того, чтобы указывать на незаконченность действия или на его неадекватность исходной программе; сон «нужен» для того, чтобы просеивать текущую за день информацию и отбирать полезную; сновидения – чтобы давать «разрядку функционально напряженным системам головного мозга» или, если иметь в виду его роль в «далеком филогенетическом прошлом» человека, для физиологической мобилизации организма в условиях внезапно возникшей во время сна опасности, «для закрепления опыта повседневной жизни» (по И. Е. Вольперту) и т. д. Если же что-либо трудно или невозможно объяснить, исходя из постулата сообразности, соответствующее явление рассматривают либо как болезненное, то есть случайное для представителей вида, либо его провозглашают уходящим из жизни вида как лишнее, ненужное (смелость отдельных авторов распространила действие то-

го же постулата сообразности даже на эмоции человека, ср.: «Эмоции – цыгане нашей психики» – В. Джеймс).

Разумеется, трудно найти исследователя, который бы открыто защищал представления об узко приспособительной направленности психических процессов. Однако наиболее распространенная позиция многих авторов отвечает именно постулату сообразности.

Выделим две ступени критического рассмотрения этого постулата⁵.

На *первой ступени* анализа мы зададимся следующим вопросом: можно ли, зафиксировав какое-либо одно жизненное отношение, принимаемое в тех или иных концепциях за исходное и определяющее (гедонизм, прагматизм и т. д.), представить все факты психического как укладывающиеся в рамки данного жизненного отношения? Если бы это было действительно так, то некоторую «часть» субъекта следовало бы считать главной, существенной, а оставшуюся «часть» – подчиненной и лишь «адаптирующейся» к первой. Чаще всего эти представления выступали в виде принятия своего рода парадигмы «интересов целого». В соответствии с нею любые проявления активности при всем богатстве их форм

⁵ Глубокая критика принципов эмпирической психологии личности дана в работах А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна. В исследовании М. Г. Ярошевского «Психология в XX столетии» (Ярошевский, 1974) анализируется принцип адаптации и дается его содержательная оценка. Отметим, что наша критика постулата сообразности означает одновременно и сужение сферы действия телеологических объяснительных схем в психологии и биологии.

едины в одном. Их внутренняя цель и конечное предназначение заключаются в обеспечении и воспроизводстве индивидуальной целостности субъекта, которая мыслится как его высшее благо. Здесь принимается за исходное примат целого, системы над частью, подсистемой, которые в свою очередь берутся лишь в аспекте их предназначенности с точки зрения их места и роли в удовлетворении интересов субъекта «как целого».

При этом самодовлеющее «целое» мыслится как предустановленная гармония между различными инстанциями жизнедеятельности субъекта. Здесь либо указываются интересы «человека вообще», либо конструируется некоторая наперед заданная система ценностей, где в фундамент погружаются биологические потребности, над которыми надстраиваются интересы социальные (А. Маслоу).

При всей привычности взгляда, что «система сама знает, чего ей не хватает», и предоставляет режим наибольшего благоприятствования какому-либо ведущему жизненному отношению, как бы настраивая все другие интересы в унисон с ним, взгляд этот требует весьма настороженного к себе отношения.

Жизненные ориентации субъекта могут быть противоречивы, постулирование изначальной «гармонии» и соподчиненности между ними беспочвенно. Скорее, речь должна идти не о жесткой соподчиненности интересов с выделением «верховного» интереса и ряда «подчиненных», а лишь о вре-

менном доминировании и коалиционности «частных» интересов (если понимать под коалиционностью относительную независимость их друг от друга, взаимореализуемость, а также возможность возникновения противоречивых отношений между ними (*Петровский В. А.*, 1975).

Высказывая эту гипотезу (*Петровский В. А.*, 1977), мы опирались на представления А. Н. Леонтьева о «многовершинности» строения мотивационной сферы субъекта, на принцип доминанты Ухтомского в «мотивационной» трактовке М. Г. Ярошевского, а также на системные идеи И. М. Гельфандта и М. Л. Цетлина об активности подсистем в рамках организованного целого⁶.

Поведение человека, по-видимому, не может быть сведено к проявлениям какого-либо одного, пусть фундаментального, жизненного отношения.

В рамках гомеостатических представлений не могут быть осмыслены факты развития системы: не виден и путь объяснения феноменов «активного неравновесия» субъекта со средой, стремления действовать на определенном уровне напряжения и т. п.

Концепции прагматического типа бессильны интерпретировать факты бескорыстия, альтруизма и т. п. Кроме того, мы находим постоянные подтверждения тому, что прагма-

⁶ Современная систематическая разработка принципа «гетерархии» (в противовес принципу «иерархии») при объяснении функционирования и развития сложных систем содержится в работах А. Г. Асмолова, М. М. Бонгарда, Б. М. Величковского, В. И. Варшавского, В. П. Зинченко, Д. А. Поспелова и др.

тические идеалы как бы восстают против самих себя, ибо ни человеческий, ни природный мир «не прощают» потребительского отношения к своим богатствам. Принятие прагматических идеалов за исходное ведет к неблагоприятным, в частности и с самой прагматической точки зрения, последствиям. В гедонистические концепции «не вписываются» такие собственно человеческие переживания, как чувство вины, ностальгия, стыд и т. п. Переживания эти способны подчинить себе весь строй жизни личности и в определенных условиях запечатлеться в субъекте в виде негаснущих очагов страдания. Трудно не посчитаться с этими фактами, имеющими отнюдь не «рудиментарный» и не «патологический» характер, при оценке взгляда на стремление к удовольствию как основе организации психической деятельности субъекта⁷. Но, может быть, говоря о гедонистических ориентациях, следует иметь в виду, прежде всего, нормативный план, определяющийся ответом на вопрос о том, к чему должен стремиться субъект? Тогда, приняв гедонистический идеал за конечную цель, следовало бы отбросить все, что не имеет отношения к этой цели как неадаптивное и потому – излишнее. Анализ показывает, однако, что подобный перевод принципов гедонизма из сферы действия естественных закономерностей в нормативную сферу не может реабилити-

⁷ Отметим, что в трактовке З. Фрейда не принцип удовольствия подчинен принципу реальности, а принцип реальности состоит на службе у принципа удовольствия.

ровать гедонистический идеал. Возведение известных удовольствий в культ приводит к нравственному опустошению и к катастрофическому – с точки зрения самого гедонизма – финалу: обеднению или извращению самой чувственной сферы субъекта, таким образом, гедонистический принцип так же, как и прагматический, снимает себя изнутри.

Ни одной конечной ценности (будь то равновесие, удовольствие, успех, польза и т. д.) недостаточно для описания и интерпретации фактов. Но, может быть, все дело – в необходимости совместить в пределах одной концептуальной схемы все эти ориентации, предварительно пополнить их число, и тогда-то поведение и психические процессы субъекта смогут быть представлены как «вполне адаптивные»?

Ответ на этот вопрос составляет *вторую ступень* анализа. Постулат сообразности – это принцип, утверждающий существование жесткого соответствия между исходными жизненными отношениями субъекта и реализующими их психическими процессами и поведенческими актами. Поэтому норма активности, как это непосредственно следует из постулата, определяется степенью соответствия усилий, *необходимых* для реализации исходных отношений (мотивов, целей и т. д.), и усилий, которые *фактически затрачивает* субъект (вспомним «принцип наименьшего действия»). Иными словами, индивидууму якобы должна быть присуща тенденция элиминировать все те моменты, которые прямо или косвенно не ведут к достижению конечного благоприятного ре-

зультата.

Пусть несколько шутливой иллюстрацией к сказанному послужит следующая, вполне типичная жизненная ситуация. Представим себе большую (по современным понятиям) семью: отец, мать, бабушка, двое детей. Впереди – семейное торжество, ждут гостей, каждый из домочадцев по-своему готовится к вечеру. У каждого свое дело, свой стиль поведения. Отец семейства хорошо знает, чего от него ждут. За ним в семье прочно утвердились почетные роли министра финансов (субсидирование этого и подобных мероприятий), министра торговли (посещение местных торговых точек), министра иностранных дел (приглашение гостей). Сделав необходимые телефонные звонки, муж выключает телефон, бреется и, не прикасаясь к газете, прикидывает ответственный спич. Рациональность («сообразность») его поведения не вызывает сомнений. Между тем, жена также не теряет времени даром. Квартира сияет. Готовка в разгаре. Нервничает: «Вот-вот придут!» Под рев детей выключается телевизор (это нервирует), с детей снимаются роликовые коньки (это тоже нервирует), младшего выставляют гулять, старшего превращают в «маминоgo помощника», и он теперь помогает маме готовить ореховый торт. Поведение жены также вполне адаптивно, и, кроме того, мы хорошо видим, как она борется со своими отвлечениями. Старший сын с удовольствием колет орехи, разбивая их ребром ладони, как того требует японская система борьбы «карате-до». Из-

влекая орехи из скорлупы, направляет их преимущественно в рот, чем наносит ущерб шедевр кулинарного искусства матери, за что его торжественно выдворяют из кухни и направляют на улицу к младшему. Поведение старшего расценивается как возмутительное («неадаптивное»). Дедушка тем временем читает «Неделю», и ему именно в данный момент представляется важным поделиться со всеми свежими новостями. Поведение дедушки, конечно, никуда не годится («несообразное, нелепое»).

Еще раз вернемся к тому, что мы сейчас описали. Несколько «компьютерная» модель поведения отца характеризуется завидным соответствием между тем, что он в данный момент делает, и тем, что ему нужно делать. Здесь, во-первых, цели отца выражают «интересы семьи», и поэтому его действия вряд ли могли бы показаться хоть кому-нибудь неадаптивными. Кроме того, предполагается, что отец действует в полном согласии с собой, не только внешне, но и внутренне четко следуя своей роли, например, не притязает на портфель (вернее, ремень) министра просвещения, хотя в другой ситуации роликовые коньки или ореховый торт не прошли бы кому-то даром. В поведении жены заметны отвлечения, но она их благополучно преодолевает, и в этом смысле ее действия вполне отвечают привычным представлениям о норме поведения (приличествующего случаю). Поведение детей (телевизор, ролики, каратэ, съеденные орехи) несообразно в основном в глазах взрослых, но вполне есте-

ственно, если взглянуть на него глазами детей («Такая интересная передача!», «Что, если я немного покатаюсь?», «Разве у меня плохо получается, когда я колю орехи рукой?», «В конце концов, я только хотел попробовать!»). Поведение дедушки можно было бы списать на его годы, если бы по утрам он не бегал трусцой и не был внештатным корреспондентом злосчастной «Недели». Кроме того: «Вы же ничего не читаете, вы не знаете, что происходит в мире!» Большинство членов семьи, по крайней мере, на уровне декларируемых побуждений, пусть на небольшом отрезке пути, действовало в одном направлении. «Неадаптивность» заключалась в том, что у некоторых участников этой ситуации намечался сдвиг побуждений или намерений от групповой цели к индивидуальной. Такой сдвиг возвращал их в лоно собственных побуждений, по отношению к которым их поведение могло бы рассматриваться как вполне адаптивное. Норма индивидуальной активности (заключающаяся здесь в отсечении всего, что не относится к делу, к «коренным» интересам) оказывалась при этом нетронутой.

Взгляд на поведение человека как на адаптивное находит как будто бы убедительную поддержку при конструировании идеала оптимально устроенных систем. В самом деле, что может быть, скажем, разумнее, чем потребовать от живой системы максимально полного соответствия между поведением и побуждающими его источниками? Однако точка зрения изначального соответствия между тем, что совершает

субъект, и тем, к чему он стремится, ставит нас перед лицом принципиальных трудностей. Вот одна из них. Как объяснить, например, появление новой цели, если в пределах предшествующего действия индивидуум стремится элиминировать все, прямо не относящееся к делу? Постулат сообразности навязывает два варианта ответа.

Первый: по достижении предшествующей цели субъект мгновенно выдвигает новую цель. Но этот ответ явно разочаровывает, ведь тогда факт ее возникновения должен выглядеть столь же сверхъестественным, как и магическое появление кролика в шляпе у фокусника.

Второй допустимый ответ: новых целей как таковых вообще нет; существуют лишь подцели некоторой «конечной» – «недостигаемой» цели (*Аккофф, Эмери, 1974*). Но этот взгляд – по существу преформистский – вряд ли будет безоговорочно принят даже теми, кто разделяет постулат сообразности.

Если на первой ступени анализа постулат сообразности выявляет свою методологическую ограниченность при интерпретации фактов поведения, не укладывающихся в прокрустово ложе какого-либо одного исходного отношения, то на второй ступени анализа мы вынуждены принять, что интеграция этих ориентаций также не исчерпывает и не охватывает собой всех проявлений деятельности человека. И хотя необходимость адаптивных поведенческих актов бесспорна и очевидна, нельзя мыслить себе, что по-настоящему существенное в личности индивидуума исчерпывается от-

ношениями, взятыми постулатом сообразности за основу⁸. Личность как «специально человеческое образование <...> не может быть выведена из приспособительной деятельности» (Леонтьев А. Н., 1975, с. 177).

Примеры нарушения постулата сообразности мы находим и в филогенезе, на различных ступенях организации жизни. Известны факты «жертвенного» поведения (у муравьев и не только), «бескорыстной» исследовательской и поисковой деятельности крыс⁹. В опытах американских ученых было показано, что крысы, помещенные в условия, где мог быть сполна удовлетворен широкий круг потребностей, выходили на «неосвоенную» территорию. «Искателями», впрочем, была лишь некоторая часть крыс. Было рассчитано, что если бы вся популяция крыс вела себя подобным образом, то она была бы обречена на уничтожение. Вместе с тем, если бы все крысы придерживались консервативного стиля поведения, то есть не выходили за пределы освоенной территории, то это бы привело к истощению пищевых ресурсов и, следовательно, к гибели животных. Нет смысла специально разъяснять, что примеры «неадаптивного» поведения той или иной

⁸ Приходится считаться с тем, что наряду с объективно существующей и вскрываемой в анализе реальной неадаптивностью некоторых актов деятельности существует едва ли не для каждого из них субъективная рационализация и телеологизация их, вполне понятные при учете целевой организации деятельности субъекта. Ведь деятельность – «субстанция сознания» (Леонтьев, 1975, с. 157).

⁹ Изложение этих данных можно найти в книге П. В. Симонова (Симонов, 1975).

особи имеют вполне очевидный приспособительный смысл, если рассматривать это поведение с позиций реализации в нем адаптивных интересов рода, то есть отказаться от «организмоцентрического» взгляда на эволюционные процессы в пользу «популяционноцентрического» (Философские проблемы теории адаптации, 1975, с. 28–30). Своеобразие отклонений от действия постулата сообразности в поведении человека заключается в том, что моменты неадаптивности выступают здесь моментом общественного развития, которое, в отличие от процессов простого воспроизводства личного уровня общественного бытия, может быть понято как расширенное его воспроизводство.

Тогда бесчисленные и многообразные проявления неадаптивности отдельных индивидуумов в своей совокупности могут быть поняты как одно из условий восходящего движения общественного целого.

Научное и художественное творчество, искусство, воспитание, новаторство в производстве – все это обширное поле проявлений неадаптивности в деятельности человека. Вообще прогресс в сфере культуры (а, следовательно, прогресс во всех сферах человеческой жизни) в значительной мере обязан готовности и склонности людей к «неприспособительному» поведению. Любые попытки свести специфически человеческие проявления деятельности к адаптации самой же культурой обесцениваются и отбрасываются. В нарочито парадоксальной форме идея (сейчас бы ее назвали «антииде-

ей») прагматического истолкования смысла искусства для человека встречается в ранней повести Ильи Эренбурга «Хулио Хуренито». Герой повести философствует (голос героя ни в коей мере нельзя отождествить с голосом автора!):

«В давние эпохи под словом “поэзия” подразумевались занятия, непохожие на вышеуказанные <раскладывание пасьянсов или чесание спины с помощью китайских ручек. — *В.П.*>, но весьма осмысленные и полезные. Слово являлось действием, и поэтому поэзия, как мудрое сочетание слов, способствовала тем или иным жизненным актам. Мне известна высокая поэзия знахаря, умеющего сочетанием слов добиться того, чтобы бодливая корова давала себя доить. Но как я могу применить то же возвышенное слово к головкам Малларме, которые тридцать три бездельника разгадывают в течение тридцати трех лет? Слово некогда могло убить или излечить, заставить полюбить или возненавидеть. Поэтому заговоры или заклинания были поэзией. Поэты являлись ремесленниками, работавшими, как все люди. Кузнец ковал доспехи, а поэт слагал героические песни, которые вели к победе. Плотник тесал колыбель или гроб, а поэт писал колыбельную песнь или причитания. Женщины пряли и за пряжей пели песни, делавшие их руки более быстрыми и уверенными, работу легкой. Я читал как-то стихи, которые вы печатаете в вашем уважаемом журнале, и спрашивал: кого они могут пробудить или повести на бой, чьей работе могут помочь? Единственное их назначение, не вытекающее, впро-

чем, из задания авторов, убаюкать человека, уже подготовленного ко сну статьей о количестве гласных и согласных в стихе Расина» (*Эренбург*, 1929, с. 67).

Вопреки взглядам Хуренито в вопросе о самоценности искусства (не путать с формулой «искусство для искусства»!), других высших созидательных проявлений человеческого духа, все, кто сейчас пишет об этом, придерживаются замечательного единства. Считается бесспорным то, что, хотя и наука, и литература, и искусство играли и продолжают играть значительную роль в материальной жизни людей, они не могут быть понятны узкоутилитарно; они как бы «отвязаны» от интересов адаптации человека к среде, не могут быть истолкованы чисто прагматически.

Идеалы прагматизма применительно к искусству единодушно отбрасываются и творцами, и теми, кому предназначено их творчество. В самом этом сходстве взглядов разных по своим мировоззренческим установкам людей заключено нечто большее, чем просто сходство. С каждым новым свидетельством в пользу неутилитарности этих форм активности закрепляется убежденность в том, что бескорыстие и непрагматизм – это показатель подлинного служения науке, искусству, делу воспитания и т. п. «Не приспособливаться, а самоотверженно и бескорыстно исследовать и творить, совершенствоваться самому и содействовать развитию других людей!» – становится критерием и ориентиром оценки человека науки, человека искусства, подлинного воспитателя

и т. п. «Не смотри на ученость ни как на корону, чтобы ею красоваться, ни как на корову, чтобы кормиться ею!» – писал Толстой.

Но это, в свою очередь, значит, что «неадаптивность» превращается в нормативную черту деятельности «подвижников духа». Тем самым утверждается иной уровень адаптивности: «быть неадаптивным» выступает как условие адаптированности человека к данным видам деятельности, в частности, его признания соответствующей социальной группой. Кроме того, созидание в этих областях человеческой жизни – подлинный источник наслаждения. Поэтому вовлеченность человека в творчество не может быть однозначно описана или оценена как «неадаптивная». По сравнению с задачей поддержания биологической нормы функционирования (выживания), человек, творя, действует «неадаптивно», однако часто это вполне адаптивная активность, если иметь в виду равнение на нормы, задаваемые сообществом, к которому он принадлежит.

Представим себе режиссера, не дерзнувшего выйти за рамки уже существующего в искусстве. «Серость!» – не без основания скажут о нем. Ориентация на возможность подобной оценки и стремление ее исключить есть, несомненно, адаптивная тенденция, придающая деятельности режиссера творческий характер (мы, разумеется, не сводим истоки оригинальности к стремлению быть неуязвимым для такого рода оценок, но и не можем абстрагировать творческий импульс

от социально диктуемой тенденции «быть непохожим»).

Перед нами, таким образом, лишь одно из значений понятия «неадаптивность», сводящееся к понятию «созидание». Не случайно некоторые авторы в качестве того, что может быть противопоставлено адаптивной активности, рассматривают продуктивную активность (творческое мышление, познавательная тенденция, альтруистическое поведение и т. д.). Такое представление о неадаптивности может быть названо широким.

Если, однако, в нашем понимании неадаптивности мы ограничиваемся лишь представлениями о созидательности как социально заданном отношении человека к миру (избыточном с точки зрения выживания), то возникает риск, что в тени останутся существенно значимые пласты человеческой активности, созидательный смысл которых не очевиден. Человека могут притягивать опасность, неопределенность успеха, неизведанное – как таковые, и независимо от того, сможет ли человек в дальнейшем придать этим импульсам какой-либо рациональный смысл, его действия в данном направлении будут носить неадаптивный характер. Именно этот класс проявлений активности – неадаптивная активность в узком смысле слова.

Как и созидательная (продуктивная) активность, она избыточна относительно интересов «выживания» и составляет необходимый момент расширенного воспроизводства индивидуального и общественного бытия. Неадаптивная актив-

ность в узком смысле является предметом особого анализа в данной книге и напрямую связана с предлагаемой здесь концепцией активности личности.

Если верно, что неадаптивные проявления человека могут способствовать не только развитию самого индивидуума, но и развитию окружающих его людей, то понятие «неадаптивность» теряет будто бы от века свойственный ему смысл непременно болезненных отклонений от некоей «нормы». Внутри этого понятия происходит дифференциация. Определенная часть явлений неадаптивности действительно может быть связана с различного рода «снижениями» потенциала существования и совершенствования человека, с ограничениями возможностей восходящего движения личности, другая часть, напротив, – с феноменами роста и развития возможностей человека. В этом последнем случае, анализируя проявления неадаптивности, мы говорим о надситуативной активности субъекта. Она образует ядро развивающейся личности. Эта высшая форма активности может быть понята лишь в контексте анализа деятельности – как момент ее собственного движения и развития. Само формирование такого контекста обсуждения проблемы активности – результат длительного становления психологической мысли.

Деятельность и активность

Судьба понятия «активность» в психологии является

своеобразным зеркалом ее исторического становления и обособления в качестве самостоятельной науки (*Петровский А. В.*, 1967).

Если бы нам удалось восстановить голоса тех, кто на рубеже XIX–XX вв. отстаивал идеалистические традиции в трактовке активности, – известных в те годы философов: Л. М. Лопатина, С. Л. Франка, Н. О. Лосского и многих других, – то мы столкнулись бы прежде всего с пониманием активности как имманентного свойства духа, открывающегося человеку исключительно в ходе самонаблюдения, или, иначе, «интроспекции» (взгляд изнутри). Здесь замелькали бы такие слова, как «душа», «дух», «Воля», «Я», «спонтанность», «апперцепция» (синтетическая способность сознания) и др. Источник активности, сказали бы эти философы, содержится, точнее, глубоко спрятан, в деятельности «души» и непознаваем ни одним из естественно научных (объективных) методов.

Но тут же мы услышали протестующие голоса представителей эмпирического и естественнонаучного направлений в психологии. «Ваши умозрительные схемы, – сказали бы они, – какими бы логичными или изошренными они ни казались, безжизненны; они далеки от реальных проблем, решаемых людьми; вы извлекаете человека из реальных его связей с миром. Между тем именно в рассмотрении этих связей единственно и можно усмотреть источник возникновения и область обнаружения человеческой активности». И правда,

что есть активность человека? Это есть, прежде всего, его отношение к окружающему миру, а оно – тут мы уже вполне отчетливо слышим голос одного из ярких психологов тех лет: А. Ф. Лазурского, которого сейчас в профессиональной среде назвали бы «личностником»: «Оно, это отношение, есть мера устойчивости субъекта к влияниям окружающей среды и, в свою очередь, мера воздействия на среду!»

Увы! Этот ответ, который как будто бы вполне вписывается в круг наших сегодняшних представлений, ничуть не удовлетворяет представителей «идеалистического крыла» в разработке проблемы активности субъекта. «А откуда, собственно, – вопрошают они, – берутся ваши так называемые отношения, что обеспечивает столь высоко ценимые вами “устойчивость” и “воздейственность” человеческой особи?» И, не дождавшись ответа, дают уже знакомый нам свой: «Дух», «Воля», «Я»...

«Ну, нет! – вступает в воображаемый диалог основатель рефлексологии В. М. Бехтерев. – Душа здесь ни при чем. Биологические импульсы, энергия тела, природно-биологический потенциал – вот в чем источник активности!»

«А был ли мальчик?!» – как бы озадачивает «горьковским гласом» своих «собеседников» другой крупный ученый того времени, автор реактологии К. Н. Корнилов. «Нет активности, есть только реактивность!» (слова, принадлежащие самому К. Н. Корнилову и выступавшие в качестве девиза реактологических исследований вплоть до самого окончания

20-х годов).

Этот спор, начатый так давно, продолжается и поныне (взять хотя бы взгляды философов экзистенциального направления или необихевиористов в лице Скиннера, выдвинувших концепцию «манипуляции людьми»). Основные позиции в понимании активности оказываются здесь уже заданы, и по ним можно предугадать дальнейшие «ходы» в решении этой проблемы в пределах все тех же объяснительных схем, какие бы формы последующего обсуждения они ни принимали. За всеми этими взглядами вырисовывается по существу ложная дихотомия: «либо дух – либо тело»; либо источник активности «внутри» субъекта, либо «вне» его. Они закономерно породили сомнение в самом существовании феномена активности. Между тем искомое решение состоит, разумеется, не в том, чтобы выбрать, какой лучше. «Оба хуже»!

Принцип решения столь остро стоящей проблемы содержался в разработке категории «деятельность», снимающей как дуализм «духа» и «тела», так и дуализм «внешнего» и «внутреннего» в природе человека (мы еще затронем в этой связи работы А. Н. Леонтьева и С. Л. Рубинштейна – двух лидеров отечественной психологии).

На протяжении 30-х годов, в связи с проникновением в концептуальный аппарат психологии идей об активном характере отражения, о происхождении сознания из трудовой деятельности, о роли потребностей в развитии личности,

принцип активности в явной или неявной форме становится определяющим для интерпретации важнейших психологических фактов и закономерностей.

С именем Л. С. Выготского связано развитие представлений о культурно-историческом опосредствовании высших психических функций. В историко-психологических исследованиях, освещающих взгляды Л. С. Выготского, обычно подчеркивается, что активность в его понимании была обусловлена использованием «психологических орудий». В целях нашего анализа укажем, что в работах Л. С. Выготского и его сотрудников активность раскрывается также и со стороны становления ее как знаковой, орудийной. С особенной рельефностью этот план представлений об активности выявляется при анализе черт, присущих «инструментальному» методу, развитому в работах Л. С. Выготского и его сотрудников. Как известно, экспериментальный метод предполагал создание ситуации свободного выбора относительно возможности обращения к «стимулу-средству» при решении поставленной перед испытуемым задачи. Необходимость использования в деятельности «стимула-средства» не навязывалась испытуемому извне. Действие со «стимулом-средством» являлось результатом свободного решения испытуемого. В зависимости от уровня развития субъекта, внешние «стимулы-средства» выступали по-разному. Они могли как соответствовать, так и не соответствовать возможностям их использования; их применение могло выступать

как во внешней, так и во внутренней форме. «Психологическое орудие» означало не столько принудительно воздействующее на субъекта начало, сколько точку приложения сил самого индивидуума, которые как бы «вбирают» в себя знак. Индивидуум тем самым рассматривался по существу как активный.

Ни один исследователь проблемы активности не может пройти мимо теории установки Д. Н. Узнадзе. Ядро научных исследований и основной акцент в понятийном осмыслении «установки» приходится на указание зависимого характера активности субъекта от имеющейся у него установки, то есть готовности человека воспринимать мир определенным образом, действовать в том или ином направлении. Активность при этом выступает как направляемая установкой и, благодаря установке, как устойчивая к возмущающим воздействиям среды. Вместе с тем объективно в психологической интерпретации феномена установки содержится и другой план, определяющийся необходимостью ответа на вопрос о происхождении («порождении») установки. Этот аспект проблемы разработан значительно меньше, чем первый.

Основатель теории установки Д. Н. Узнадзе, подчеркивая зависимость направленности поведения от установки, призывал к изучению генезиса последней, и этим – к изучению активности как первичной. Этот призыв не ослаблен, а, наоборот, усилен временем. Трудность, однако, заключается в недостаточности простого постулирования активно-

сти как исходного условия для развития психики. Поэтому некоторые современные исследователи в области теории деятельности (Асмолов, 2007), видя в установке механизм стабилизации деятельности, подчеркивают, что установка является моментом, внутренне включенным в саму деятельность, и именно в этом качестве трактуют установку как порождаемую деятельностью. Это положение представляется нам особенно важным для понимания связи активности и установки. При исследовании предметной деятельности субъекта открывается возможность специального разграничения двух слоев движения, представленных в деятельности: один из них структурирован наличными установками, другой первоначально представляет собой совокупность предметно-неоформленных моментов движения, которые как бы заполняют «просвет» между актуально действующими установками и выходящими за их рамки предметными условиями деятельности. Именно этот, обладающий особой пластичностью слой движения (активность) как бы отливается в форму новых установок субъекта.

Быть может, сейчас более чем когда-либо раскрывают свой конструктивный смысл для разработки проблемы активности теоретические взгляды С. Л. Рубинштейна. Ему принадлежит заслуга четкой постановки проблемы соотношения «внешнего» и «внутреннего», сыгравшей важную роль в формировании психологической мысли. Выдвинутый С. Л. Рубинштейном принцип, согласно которому

внешние воздействия вызывают эффект, лишь преломляясь сквозь внутренние условия, противостоял как представлениям о фатальной предопределенности активности со стороны внешних воздействий, так и истолкованию активности как особой силы, не зависящей от взаимодействия субъекта с предметной средой. С данным принципом тесно связаны представления о направленности личности (понятие, которое вошло в обиход научной психологии после опубликования «Основ общей психологии» в 1940 г.), идея пассивно-активного характера потребностей человека. Еще ближе к обсуждаемой проблеме стоит положение, рассмотренное в последних работах С. Л. Рубинштейна, о выходе за рамки ситуации, который (выход) мыслился в форме разрешения субъектом проблемной ситуации.

Особый подход к проблеме соотношения «внешнего» и «внутреннего» утверждается в работах А. Н. Леонтьева. В книге «Деятельность. Сознание. Личность» предложена по существу формула активности: «Внутренне (субъект) воздействует через внешнее и этим само себя изменяет».

Потребовалось введение категории деятельности в психологию и вычленение в деятельности особых ее единиц, чтобы подготовить почву для постановки вопроса о тех внутренних моментах движения деятельности, которые характеризуют постоянно происходящие переходы и трансформации единиц деятельности и сознания. Это новое, родившееся в советской психологии направление исследований позволило

с новых позиций подойти к решению некоторых фундаментальных проблем, к числу которых относится и проблема активности как предпосылки и условия движения сознания и деятельности.

Соотношение «активности» и «деятельности» – предмет оживленной дискуссии в философской литературе (Е. А. Ануфриев, А. Н. Илиади, Ю. Л. Воробьев, М. С. Каган, В. Ю. Сагатовский, Б. С. Украинцев, Л. В. Хоруц и др.). В этой дискуссии высказываются различные суждения, диапазон которых весьма велик. В ряде этих работ активность то отождествляется с самодвижением материи (тогда деятельность, разумеется, становится лишь частным проявлением активности), то, наоборот, деятельность рассматривается как своеобразная «субстанция» (и тогда активность выступает ее «модусом»).

Каково же действительное соотношение «активности» и «деятельности»? Введение категории деятельности в психологию привело к перестройке всего концептуального аппарата науки, существенно отразившись на традиционных представлениях об активности субъекта.

Впервые в категории «деятельность» и через нее понятие «активность» приобретает реальное психологическое звучание.

Исходным для нас является представление об активности как движении, характеризующем деятельность и неотделимом от нее. При этом активным может быть назван не вся-

кий процесс, объективно представленный в деятельности, а лишь такой, само существование которого находится в прямой зависимости от субъекта. Это – процессы инициации («запуска») деятельности, ее осуществления, контроля над ее динамикой и т. д. Активность, следовательно, может быть определена как совокупность *обусловленных индивидуумом моментов движения деятельности*.

Нет деятельности вне активности и активности вне деятельности. Формулируя это положение, подчеркнем, что деятельность трактуется здесь в широком смысле. А именно, как динамическая связь субъекта с объектами окружающего мира, выступающая в виде необходимого и достаточного условия реализации жизненных отношений субъекта – «молярная единица жизни» (А. Н. Леонтьев). Могут быть рассмотрены три рода соотношений активности и деятельности.

Активность как динамическая образующая деятельности. Рассматривая деятельность в ее становлении, мы с необходимостью должны признать существование таких изменений, вносимых субъектом в систему его отношений с миром, которые выступили бы в виде основы возникающей деятельности. Особенность этих процессов заключается в том, что начало свое они берут в самом субъекте, порождены им, однако форма их всецело определяется независимыми от субъекта предметными отношениями. Активность раскрывается здесь как представленная в движении возможности деятельности. Обусловленное субъектом движение как бы

впитывает в себя мир, приобретая формы предметной деятельности. Говоря о порождении психического образа, мы поясняли это на примере движения руки, копирующей форму предмета. Специальные исследования деятельности дают основание считать, что ее мотивы и цели первоначально также рождаются в результате «соприкосновения» живого человеческого движения и окружающих обстоятельств. И так, активность – динамическая образующая деятельности в виде становления ее основных структур.

Активность как динамическая сторона деятельности. Завершение процесса становления деятельности не означает ее эмансипации от активности. Она (активность) выступает теперь в двояком плане. Прежде всего, как обнаруживающее себя течение деятельности. В отличие от мотивационных, целевых, орудийных и других отношений, фиксирующих статическую («структурную») сторону деятельности, активность характеризует ее динамическую сторону. Активность – движение, в котором реализуются указанные отношения.

Динамическая сторона деятельности (активность) не исчерпывается, однако, лишь процессами течения последней, то есть такими процессами, в которых разворачиваются уже накопленные в опыте субъекта (или присвоенные им) структуры деятельности. К явлениям активности следует также отнести и то, что было обозначено А. Н. Леонтьевым как «внутрисистемные переходы» в деятельности («сдвиг моти-

ва на цель», превращение исходной деятельности в действие, реализующее отношения более развитой формы деятельности, и т. п.). В этих переходах осуществляется развитие деятельности.

Активность как расширенное воспроизводство деятельности. В самом общем плане расширенное воспроизводство деятельности может быть определено как процесс обогащения мотивов, целей и средств исходной деятельности, а также психического образа, опосредствующего ее течение. Но что значит «обогащение мотивов, целей, средств и психического образа»?

Речь, очевидно, должна идти не о том, что мотивы, цели, средства и психический образ в системной организации развитой деятельности аналогичны (равносильны, равноценны) исходным мотиву, цели, средствам и психическому образу и попросту расширяют их спектр: развитие деятельности выражается в углублении ее мотивов, возвышении целей, улучшении используемых средств, совершенствовании психического образа. Новые и предшествующие моменты деятельности – *несимметричны*. Так, новый мотив деятельности как бы вырастает из предшествующего и содержит его в себе в виде необходимой, но не исчерпывающей его части. Следование новому мотиву предполагает реализацию субъектом предшествующего мотива, но вместе с тем удовлетворение потребности, первично инициировавшей поведение, не гарантирует еще возможности реализации нового мотив-

ва, возникшего в деятельности. Достижение первоначально принятой цели необходимо, но еще недостаточно для достижения вновь поставленной цели. Решение исходной задачи с применением доказавших свою пригодность средств стимулирует постановку новой задачи, но само по себе еще не дает средств к решению этой задачи. Складывающийся психический образ ситуации не только содержит в себе тот образ, на базе которого регулировалась исходная деятельность, но и превосходит его.

Развитая форма деятельности, таким образом, не только предполагает (подразумевают) возможность реализации основных отношений исходной деятельности, но и означает порождение отношений, выходящих за рамки первоначальных. Новая деятельность содержит в себе исходную, но устраняет присущие ей ограничения и как бы поднимается над ней. Происходит то, что мы определяем как расширенное воспроизводство деятельности.

Процессы, осуществляющие расширенное воспроизводство деятельности, характеризуют течение последней и ее внутреннюю динамику. Поэтому-то и понимание активности как динамической стороны деятельности здесь не утрачивает своей силы, однако принимает новую форму. Зафиксируем ее в следующем определении: активность есть обусловленное индивидуумом расширенное воспроизводство его деятельности.

И, наконец, активность на высшем ее уровне определяет-

ся нами как переход предшествующей формы деятельности в высшей точке ее развития к новой форме деятельности. Этот переход иногда выступает в виде «скачка», знаменующего собой становление новой деятельности.

Подытожим:

1. Активность – динамическая «образующая» деятельности (она обеспечивает опредмечивание потребностей, целеобразование, присвоение «психологических орудий», формирование установок, становление психического образа и т. д.);

2. Активность – динамическая сторона деятельности (процессы осуществления деятельности и «внутрисистемные переходы» в ней – сдвиг мотива на цель и т. д.);

3. Активность – момент расширенного воспроизводства деятельности (ее мотивов, целей, средств, психического образа, опосредствующего течение деятельности) и – «скачка» к качественно иным формам деятельности.

Сказанное позволяет следующим образом охарактеризовать связь активности и деятельности в пределах единого определения.

***Активность** есть совокупность обусловленных индивидуумом моментов движения, обеспечивающих становление, реализацию, развитие и видоизменение деятельности.*

Условием определения понятия «активность» в более специальном значении является разграничение процессов реализации деятельности и процессов движения самой деятель-

ности, ее самоизменения. К процессам осуществления деятельности относятся моменты движения, входящие в состав мотивационных, целевых «единиц» и операциональных образующих деятельности и переходов между ними. В отличие от процессов осуществления деятельности, собственно *активность образуют моменты прогрессивного движения самой деятельности (ее становления, развития и видоизменения)*.

Моменты осуществления деятельности и моменты прогрессивного ее движения выступают как стороны единого целого. Они группируются вокруг одного и того же предмета, который, согласно А. Н. Леонтьеву, является основной, «конституирующей» характеристикой деятельности. «При этом предмет деятельности выступает двояко: первично – в своем независимом существовании как подчиняющий себе и преобразующий деятельность субъекта, вторично – как образ предмета, как продукт психического отражения его свойства, которое осуществляется в результате деятельности субъекта и иначе осуществиться не может» (Леонтьев А. Н., 1975, с. 84). Заметим, что здесь, в определении предметности деятельности, особо выделен факт первоначальной независимости ее предмета от индивидуума, реализующего данную деятельность. Может быть, однако, выделен и другой полюс этой первоначальной независимости, а именно: автономия самого индивидуума от предмета его последующей деятельности. Ведь предмет этот возникает не «вдруг», а толь-

ко как результат становления. Так, противостоящая индивидууму «вещь» еще не есть непосредственно предмет его деятельности. Ее превращение в «предмет» опосредствовано особой активностью индивидуума, осуществляющей акт подобного «опредмечивания». Точно так же детерминирована самим индивидуумом и динамика форм предметности (превращения предмета из внешней во внутреннюю детерминанту активности). И, наконец, видоизменение деятельности пред полагает момент преодоления ее исходной предметности. Ведь деятельность рассматривается как развивающаяся, выходящая за свои собственные пределы. Но это преодоление не осуществляется автоматически, а требует борьбы с установками, сложившимися в предшествующих предметных условиях (Асмолов, Петровский В. А., 1978, с. 70–80). Все эти процессы могут быть объединены единым термином «целеполагание».

Целеполагание понимается здесь как формирование индивидуумом предметной основы необходимой ему деятельности: ее мотивов, целей, задач. Понятие «целеполагание», как можно видеть, шире созвучного ему понятия «целеобразование». Последнее охватывает процессы постановки субъектом «целей» в обычном смысле этого слова – как осознанных ориентиров дальнейших действий, в то время как целеполагание будет означать для нас формирование исходной основы будущих проявлений активности, постоянное ядро в переходах: мотив – цель – задача. Соответственно, вместо

«целесолагания» мы иногда будем говорить о «постановке субъектом цели». Но в контексте анализа движения деятельности это будет означать возникновение именно новой целевой перспективы.

Тогда *деятельность* можно определить как *единство целенаправленной и целесолагающей активности человека, реализующей и развивающей систему его отношений к миру*.

Целенаправленность – момент *осуществления* деятельности, целесолагание – момент *движения* (собственной динамики) деятельности. Целесолагающая активность должна быть понята как внутренняя характеристика деятельности, как деятельность, выступающая в особом своем аспекте – со стороны собственного становления, развития, видоизменения. Мы называем такой аспект анализа *диахроническим*. Целенаправленность активности характеризует деятельность уже в другом аспекте ее анализа – *синхроническом*, а именно, в аспекте осуществления деятельности.

Целенаправленная активность реализует наличную потребность индивидуума, в то время как целесолагающая активность порождает новую его потребность. Диахронический и синхронический аспекты рассмотрения деятельности, представленные процессами целесолагания и целесоствления, – равноправные, одинаково существенные определения деятельности. Они предполагают друг друга и только в своем единстве характеризуют деятельность. Оба свойства (целесолагание и целенаправленность) не уступают

друг другу по своей значимости в общей картине деятельности. С этих позиций мы попробуем вновь охарактеризовать деятельность, имея в виду обозначенную выше оппозицию обыденных и теоретико-методологических построений.

Глава 3. Двуединство деятельности

Итак, вернемся к поставленным вопросам. Как должно быть разрешено противоречие между научными и обыденными представлениями о деятельности?

Соотношение, истинную связь между обыденными и научными понятиями можно осмыслить по-разному. Одно из решений состоит в том, чтобы просто отбросить точку зрения здравого смысла в пользу утверждения теоретических представлений. Но такой сциентизм, если он отчасти и уместен в сфере негуманитарного знания, в области гуманитарного знания (философского, педагогического, психологического), как нам представляется, глубоко неоправдан. При всей внешней респектабельности лозунга: «Наука всегда права!», насилие над здравым смыслом в области гуманитарного знания в действительности не лучше и не хуже обскурантизма поборников «здравого смысла» в отношении научных понятий. Подобно тому, как вещество и антивещество, сталкиваясь, уничтожают друг друга, воинствующий сциентизм и не менее воинствующий обскурантизм, сталкиваясь, не оставляют места ни для науки, ни для здравого смысла.

Теоретические представления, бесспорно, преодолевают представления обыденного сознания, но акт их преодоления вовсе не есть акт немилосердного отрицания – «голо-

го, зряшного». Теоретическое преодоление здравого смысла удерживает или должно удерживать в себе моменты его исходной предметной отнесенности – моменты, закрепленные и мистифицированно освоенные в первоначальных донаучных представлениях людей. Порвать со здравым смыслом, как с чем-то заведомо несостоятельным, порочным, на корню ложным, – это значит порвать с самим предметом исследования, объявить его порочным или не стоящим внимания теоретика, поранить корни его. Теоретическое преодоление, очевидно, необходимо понимать лишь как снятие.

Наше решение этой проблемы имеет своим условием преодоление постулата сообразности и разграничение процессов реализации и собственно движения деятельности (см. главу 1 настоящей книги). Итак, вернемся к постановке все тех же вопросов.

Субъектна ли деятельность? Переформулируем этот вопрос следующим образом: если в логическом плане *субъект* есть носитель и проводник цели, то правомерно ли, и притом во всех случаях, говорить о реальном человеке, – «индивидууме», – как подлинном субъекте (=авторе) происходящего? Здесь нужно подчеркнуть, что один из ответов, если только не будут сделаны необходимые уточнения, напрашивается сам собой: конечно, это не так.

Действительно, наряду с существенными всегда могут быть найдены и совершенно несущественные, случайные проявления активности, которые не являются изначально

планируемыми и не оказывают никакого заметного влияния на процесс осуществления деятельности. Если они и не отбрасываются человеком, то исключительно в силу их видимой безотносительности к процессу целенаправленного действия. Например, решая ту или иную значимую для себя задачу, человек может импульсивно и без всякого участия сознания совершать что-то постороннее, нецеленаправленное. Его произвольные «действия» протекают как бы параллельно основному целенаправленному акту и являются по существу бессубъектными (разумеется, мы не отрицаем того, что присутствие этих «действий» может играть важную роль в поддержании тонуса, обеспечении должного уровня внимания при выполнении основной работы).

Точно так же бессубъектна форма осуществления целенаправленных актов, диктуемая теми или иными обстоятельствами. Речь здесь идет о крупных и мелких адаптивных операциях, извне задающих рисунок действия; по замечанию Н. А. Бернштейна, «босая нога многое могла бы многое рассказать обутой» (*Бернштейн*, 1990, с. 86). В отличие от контролируемого содержания действий форма их реализации всегда в какой-то мере определяется не «изнутри» (субъектно), а «извне» – со стороны объекта. В той мере, в какой эти неизбежные привходящие моменты не оказывают существенного влияния на содержание действия, они ни в коей мере не упраздняют «субъектности» индивидуума, реализующего деятельность. Нас, однако, в данном случае, интере-

суют не случайные спутники деятельности и не неизбежные влияния на нее внешних условий, придающие деятельности тот или иной ситуативно-неповторимый рисунок, а именно существенные характеристики собственной динамики деятельности.

Когда мы переходим к анализу движения деятельности, ее становления и развития, бессубъектность деятельности превращается в совершенно особое явление, становится фактом, с которым нельзя не считаться. Субъект как бы рождается заново, на основе возникающих в деятельности предпосылок для постановки новых целей, новых задач, нового образа всей ситуации в целом. Переход из плана возможного в план действительного связан с радикальной перестройкой внешней и внутренней картин последующих актов действия. В этот момент индивидум пребывает в своеобразном состоянии, которое можно назвать переходным и которое именно в силу своего переходного характера имеет субъектно-неопределенный характер.

Первый возможный здесь случай анализа касается деятельности, осуществляемой строго индивидуально, «наедине с собой». Становление деятельности в этом случае характеризуется тем, что в одном и том же индивидуме как бы доживает свой срок автор завершающейся деятельности (он, однако, продолжает еще «жить» в установках) и нарождается автор деятельности предстоящей, будущей. Подлинное междувластие! В этот момент, точнее, на этом интервале актив-

ности, индивидуум бессубъектен, переход от предшествующего субъекта к будущему происходит в *нем*, и сам по себе этот переход не может быть определен как реализация какой бы то ни было заранее поставленной, определенной цели. Чтобы подчеркнуть эту мысль, отметим, что к моменту окончания переходного периода произошедшая перемена может быть рационализирована самим индивидом как с самого начала руководимая некоторой целью. Но если бы переход от одной цели к другой действительно был связан с действием какой-нибудь цели более высокого порядка, то нужно было бы объяснить, каким образом «пробуждается» эта цель более высокого порядка... Следуя избранному пути телеологического объяснения переходов от одной цели к другой, мы должны либо все дальше отодвигать «конечную» цель, подчиняющую себе все межцелевые переходы, в бесславные дали «дурной бесконечности», либо добрались бы, наконец, до мифической верховной цели, провозглашенной постулатом сообразности. Подобная логика рассуждений была бы подобна попыткам философов определить «цель» движения мировой истории.

Однако мы придерживаемся противоположной точки зрения, не пытаясь искать конечную цель, управляющую межцелевыми переходами. И в этом смысле мы говорим о самодвижении деятельности. Но тогда необходимо признать, что в таком движении прежний субъект деятельности оттесняется новым, и само это обновление не предполагает су-

ществования верховного субъекта – демиурга происходящего. Факт межсубъектности (междувластия) может быть установлен не только объективно, но временами открывается также и в субъективном плане. Поэтической иллюстрацией могут служить строки японского поэта Исикава Такубоку: «Не знаю, отчего я так мечтал на поезде поехать. Вот – с поезда сошел и некуда идти»¹⁰. И – другое свидетельство, принадлежащее известному итальянскому философу Сильвано Тальягамбе, относящееся к явлениям вполне прозаическим: «Для введения и принятия новых факторов, новых эмпирических величин необходимо отстраниться и пренебречь данными, обосновавшими предшествующую теорию и интерпретацию. Но в ходе этого “ретроградного движения” мы попадаем в своеобразную западню: поскольку предыдущая экспликативная структура отвергнута и не выдвинуто какой-либо другой альтернативной гипотезы – вектора и конечной цели нашего поиска, постольку фрагменты наблюдения, события выглядят оторванными друг от друга, лишенными разумной связи и вообще не поддающимися прочтению» (Тальягамбе, 1985).

Приводя столь разные по стилю изложения и тематике иллюстрации, подчеркнем то общее, что их объединяет: переживание временной невыевленности «альтернативы» тому, что оставлено в прошлом. Перед нами, таким образом, намечающаяся феноменология транссубъектности индивидуума.

¹⁰ Перевод с японского В. Марковой.

Второй случай касается действий индивидуума в условиях «непосредственной коллективности». Тот факт, что один человек, как говорят, «выполняет волю другого», не может служить убедительным аргументом в пользу бессубъектности индивидуума. Во-первых, каждый из нас, принимая к исполнению цели других людей, как правило, формулирует их по-своему, достраивает, доопределяет, руководствуясь своими ценностями, пропуская их сквозь призму своих установок, и т. п. Во-вторых, самый способ осуществления деятельности, заданной некоторой системой требований извне, обычно в значительной мере индивидуален, связан с темпераментом человека, особенностями сознания, уже имеющимися навыками и т. п. Неслучайно в психологии выделяется особое понятие, введенное Е. А. Климовым (*Климов, 2004*), характеризующее своеобразие выполнения человеком заданной ему деятельности – «индивидуальный стиль деятельности»: обобщенную характеристику индивидуально психологических особенностей человека, складывающихся и проявляющихся в его деятельности, позволяющая в значительной степени прогнозировать эффективность ее выполнения.

Известный каждому российскому психологу принцип «внешнее через внутреннее», сформулированный С. Л. Рубинштейном (*Рубинштейн, 1973*), помогает найти важный ориентир в понимании того, что внешние требования (задачи, цели, предъявляемые человеку другими людьми) всегда

преломляются системой «внутренних условий», превращаясь, таким образом, в руководство к действию. Наше внимание, однако, привлекает иной аспект деятельности, а именно характеристики ее становления, развития и видоизменения, и в данном случае – это вопрос об обусловленности движения цели индивидуальной деятельности другими людьми. В советской, а теперь уже российской психологии проблема обусловленности деятельности общением разрабатывалась очень активно и продуктивно (см. работы Б. Ф. Ломова, А. М. Матюшкина, Я. А. Пономарева и др.). Многоплановые исследования в этой области мы встречаем и в работах зарубежных психологов (Г. Гибша, М. Форверга и др.). Общим итогом этих разработок является положение о том, что индивидуальные возможности людей в значительной мере возрастают в условиях непосредственного взаимодействия с людьми, решающими ту же задачу. Однако эта закономерность действует, как правило, в группах высокого уровня развития (А. В. Петровский). В контексте нашего анализа выделим важное понятие, введенное Л. А. Карпенко, – «движение мотива». Понимая под мотивом «предметно-направленную активность определенной силы», автор указывает, что в группах определенного типа (например, в группах, где учебная деятельность имеет коллективный характер) отмечается феномен развития индивидуальных побуждений к действию за счет присвоения мотивов партнеров по деятельности, что позволяет интерпретировать пара-

доксальный для «парной» педагогики факт повышения эффективности учебной деятельности в связи с увеличением размера группы (при традиционных методах обучения имеет место обратная зависимость)¹¹ (Карпенко, 1985).

Наконец, здесь же опишем гипотетическое явление, которое обозначим как феномен «неразличимости автора». Представим себе взаимодействующих людей, вместе решающих какую-нибудь задачу. Форма их партнерских отношений может быть символизирована отметкой на некоторой условной шкале. На одном из полюсов этой шкалы – целенаправленное и одинаковым образом понимаемое обоими распределение ролей, предполагающее, что продукты активности одного из них («ассистента») выступают в качестве условия, а точнее, средства осуществления некоторой деятельности, целевой уровень которой контролируется другим индивидуумом («автором»). Взаимодействие между хирургом и операционной сестрой может служить примером: при одинаково ответственном отношении к делу обоих участников взаимодействия совершенно ясно, кто из них реализует уровень цели, а кто – уровень обеспечения средств. На другом полюсе шкалы нет асимметрии позиций «автора» и «ассистента». Каждый выполняет свою задачу и может лишь косвенным образом стимулировать решение задачи, стоящей перед другим. В том случае, если первый, используя что-ли-

¹¹ Пределы ее количественного роста определяются возможностями конкретного метода, реализуемого в условиях коллективнообразующей деятельности

бо содеянное вторым в виде подсказки для своего собственного действия, приходит к решению, эта подсказка может иметь в его глазах (да и в глазах самого «подсказавшего») совершенно безличный характер, подобно тому, как совершенно безлична была бы для него любая другая «деталь» ситуации (предмет, движение), совсем не обязательно контролируемая партнером и при том именно этим партнером. Здесь также, безусловно, ясно, кто из партнеров – автор решения, а кто – невольный помощник. Перед нами, тем не менее, случай, противоположный только что описанному: ведь «подсказка» – стихийна, а «подсказавший» никакой персональной ответственности за нее не несет.

Теперь предпримем следующий, чисто теоретический шаг: представим некоторый непрерывный переход между полюсами сознательного ассистирования и стихийного стимулирования деятельности другого человека. Если мы достаточно ясно вообразим себе этот переход, то мысленно мы с необходимостью должны будем убедиться в существовании особой «точки» на нашей гипотетической шкале, в которой опосредствование действий первого действиями второго носит полунамеренный-полустихийный характер¹². При этом

¹² Читатель, знакомый с элементами математического анализа, заметит, что приведенные соображения выстроены как своего рода аналог известной математической теоремы, утверждающей существование нулевого значения непрерывной функции в некоторой промежуточной точке интервала в случае, если на концах этого интервала функция принимает положительное и, соответственно, отрицательное значения.

тот, кто объективно стимулировал продвижение деятельности своего партнера, не может быть четко и однозначно оценен со стороны своей ответственности за производные от его активности достижения. Факт соавторства несомненен, но мера персонального вклада в целостный эффект деятельности не определена для обоих. Субъектность каждого, таким образом, здесь имеет «размытый» характер.

Итак, мы рассмотрели две разновидности интересующего нас явления – «исчезновения» традиционного субъекта деятельности. Первая из них описывает индивидуума в ситуации, когда он действует «один на один» с объектами, вторая – ситуацию движения деятельности в условиях непосредственного взаимодействия с другими людьми. В первом случае перед нами феномен «транссубъектности индивидуума», а в последнем – «интериндивидуальности» субъекта. Все сказанное относилось к анализу движения деятельности в момент коренной перестройки принятой субъектом цели.

Понятно, что основные выводы проведенного анализа могут быть использованы как в тех случаях, когда исследователя интересует зарождение деятельности, так и тогда, когда в центре внимания – передача кому-либо результатов уже завершенной деятельности.

Объектна ли деятельность? Деятельность, рассматриваемая в аспекте ее осуществления, может быть понята только как проявление субъект-объектного отношения человека к миру. Индивид подчиняет своей воли вещество приро-

ды и придает активности других людей направление, соответствующее заранее принятой им цели. Такое соотнесение исходного предмета деятельности и цели и есть, собственно говоря, обнаружение субъект-объектной направленности активности человека. «Объект», как можно видеть, понимается при этом весьма широко, в частности, под категорию объектов деятельности может быть подведен и другой человек, и сам субъект деятельности, если он, например, осуществляет акты самопознания или подчиняет себя своей воле.

Но в самом акте осуществления исходного, субъект-объектного отношения, специфика которого определяет конкретную направленность деятельности, складываются предпосылки для установления новых, субъект-субъектных, отношений, которые превращаются в основу будущих актов общения. Эти «накопления» в деятельности, расширение (или сужение) фонда возможного общения с окружающими могут происходить в деятельности совершенно неприметно. Важно, однако, что в процессе осуществления деятельности человек объективно вступает в определенную систему взаимосвязей с другими людьми. Иначе говоря, он никогда не производит и не потребляет предметы, которые бы затрагивали лишь его интересы и ничьи более: точно так же он не производит и не потребляет предметы, отвечающие интересам других людей и оставляющие вполне равнодушным его самого. Игрушка, взятая одним ребенком, тут же становится особо привлекательной для другого ребенка; поэт, деля-

щийся сокровенным, рискует стать объектом пародии; философ, входящий, как ему представляется, в сферу «подлинного», отъединенного от других, бытия, увлекает за собой сонм адептов. Через предметы своей деятельности человек тысячью нитей и уз связан с другими людьми: обогащает или обедняет круг их потребностей, формирует новые взгляды, расширяет или ограничивает их возможности.

Являясь, в определенной степени, результатом деятельности других людей, человек есть условие их материального и духовного производства, он – предмет потребности окружающих и объект их интереса. Люди погружены в океан взаимных ожиданий и требований. Взаимосвязь между людьми в обществе – вечное условие и форма проявления их жизни. Человек, который никому не нужен, – точно такой же миф, как и человек, которому не нужен никто. Речь, понятно, идет о нужде как объективной необходимости, а не о субъективном переживании и вообще не о метаморфозах субъективности.

Независимо от того, кому в начале своей деятельности индивидуум предназначает продукты своей активности – себе или другим людям, в ходе его деятельности осуществляется перестройка как собственной его социальной позиции, так и социальной позиции других людей. Заметим, что утверждать первое – значит утверждать и второе, ибо социальные позиции образуют связное целое (так, изменение, к примеру, положения хотя бы одной из фигур на шахматной доске

перестраивает «позиции» всех остальных). Целостное изменение социальной ситуации, производимое индивидуумом, при этом может выступать в его сознании лишь фрагментарно и, кроме того, им вовсе не планироваться. Индивид в своей деятельности косвенно производит многие преобразования в себе и окружающих, формируя новые возможности общения между собой и другими людьми. Генерация новых ресурсов возможных межиндивидуальных взаимодействий составляет пока еще неявную, скрытую от субъекта перспективу развития его деятельности (и развития его самого как личности).

Но вот цель деятельности достигнута. Что за нею? Мы утверждаем, что индивидуум *продолжает действовать*; но он теперь действует как бы *над порогом* того, что требуется, или, как мы впервые писали об этом – *над порогом ситуативной необходимости* (Петровский В. А., 1975). Он превращает при этом в предмет своей активности то новое, что было ранее сформировано им косвенно, в ходе осуществления деятельности, актуализируя накопленный потенциал рожденных ею связей и отношений его к миру.

Почему это происходит и в каком конкретно направлении теперь развивается активность субъекта? Будем исходить из *фактов*, одна группа которых имеет достаточно общий биологический характер, другая – относится только к уровню организации человеческой жизни. Опора на эти факты образует две фундаментальные посылки всего дальнейшего хода

рассуждений.

Первое положение заключается в том, что индивидуум строит образ тех условий ситуации, в силу которых предшествовавший акт привел к индивидуально значимому эффекту, а также – образ вновь созданной ситуации. Воспроизводство таких условий может иметь как реальный (в виде практического воссоздания условий), так и идеальный характер. В последнем случае индивидуум осуществляет ориентировку в плане образа ситуации, связанной с соответствующим исходом. Негативный эффект обычно сопровождается свернутой или развернутой ориентировкой в плане образа, что не исключает в ряде случаев практическое моделирование условий, ведущих к неукспеху. В любом случае индивидуум расширяет поле своего опыта.

Какова бы ни была исходная направленность деятельности, вследствие ее осуществления преобразуется жизненная ситуация субъекта, меняется круг его возможностей, его предметное и социальное окружение. Процесс реализации деятельности завершается, угасает в цели, но активность субъекта не умирает, а вовлекает в свою сферу новые элементы действительности. Акт осуществления деятельности завершен, однако движение деятельности продолжается, находя свое выражение в активности по построению образа системы условий, которые способствовали бы достижению цели: осваиваются новые возможности, порожденные в уже осуществленном акте деятельности. Оба процесса – постро-

ение образа условий, приведших к цели, и освоение новых возможностей действия – являются в широком смысле проявлениями рефлексии. Первый – это рефлексия в форме ретроспективного восстановления истории акта деятельности, второй – характеризует проспективный момент рефлексии. Относится к возможному будущему.

Как ретроспективный, так и проспективный акты имеют строго необходимый характер. Ретроспективный акт есть проявление общебиологической закономерности, состоящей в том, что достижение существенного для жизнедеятельности эффекта в непривычных для особи условиях (типичной чертой человеческого существования является нетипичность, новизна обстоятельства деятельности) побуждает активность, направленную на ориентировку в системе условий, ведущих к жизненно значимому эффекту и построению соответствующего психического образа. Проспективная ориентировка в системе возможностей обуславливается фактом динамики переживания потребности в ходе осуществления деятельности (известные в психологии: феномен возрастания побудительной силы мотива по мере продвижения к цели, редукция побуждения после достижения цели и т. п.). Кроме того, фактором ориентировки является новизна в системе предметных условий, так как предметы могут открываться с новой и неожиданной стороны, побуждая активность в непредвиденном направлении. Новые побуждения заставляют индивидуума искать средства их ре-

ализации. Некоторые предметы, которые прежде не воспринимались как «средства» (будь то сфера прошлого опыта или актуально сложившаяся ситуация в результате предшествующего акта деятельности), выступают теперь в качестве новых возможностей действия, как избыточные по отношению к исходной цели деятельности возможности.

В конечном итоге индивидуум за счет ретроспективного и проспективного планов рефлексии расширенно воспроизводит исходный образ ситуации, первоначально направляющий действие, углубляет и обогащает образ мира, поэтому «деятельность субъекта богаче, истиннее, чем предваряющее ее сознание» (Леонтьев А. Н., 1975).

Ретроспективные и проспективные акты выступают в форме построения нового, оформленного с помощью использования знаковых средств, образа мира – рефлексивного образа. В силу своего рефлексивного характера расширенное воспроизводство индивидуального опыта выходит за пределы лишь индивидуальной деятельности, находя свое завершение в акте передачи инноваций опыта другим людям. Объяснить необходимость подобной передачи позволяет второе положение, имеющее отношение только к человеку как существу общественному.

Второе положение. Имея в виду не просто активность особи, направленную к определенному предвосхищаемому результату, а деятельность человека, следует исходить из факта опосредованности ее осуществления другим челове-

ком. Являясь реализацией субъект-объектного отношения, она выполняется на основе реального или идеального взаимодействия (общения) с другим человеком, то есть по существу реализует субъект-субъект-объектное отношение. «Производство жизни... выступает сразу же в качестве двоякого отношения, с одной стороны, в качестве естественно-го, а с другой – в качестве общественного отношения, общественного в том смысле, что здесь имеется в виду совместная деятельность многих индивидов, безразлично, при каких условиях, каким образом и для какой цели» (Маркс, Энгельс, 1985, с. 21). Но если так, то из этого с необходимостью следует, что индивидуум для того, чтобы иметь возможность опосредствовать свою деятельность усилиями других людей, должен сознательно или неосознанно *побуждать* их к сотрудничеству, то есть оказывать на них прямое или косвенное влияние, «транслировать» тот или иной мотив.

Сейчас можно соединить две указанные посылки и рассмотреть, что происходит за порогом осуществленной деятельности. Индивидуальнозначимое завершение деятельности радикально меняет направленность последующей активности. Теперь активность ориентирована не на исходный объект достижения, а на совокупность условий, в силу которых соответствующий результат был достигнут. Предметом активности становятся сами основания осуществленной деятельности, и так как общение с другим человеком является важной их составной частью, то и оно превращается в пред-

мет реального или идеального воссоздания, то есть рефлексии в двух выделенных ее формах – ретроспективной и проспективной.

Рефлексия при этом касается двух «диалогизирующих» сторон: самого субъекта деятельности, а именно его знаний, способностей, побуждений, эмоций, воли, и – другого субъекта. В ретроспективном плане человек осуществляет здесь акты самопознания и социальной перцепции, а в проспективном плане – целеобразования и трансляции потенциальных целей другим людям. Если прежде в деятельности стимулирование другого человека занимало подчиненное место и могло даже не выступать в качестве особой задачи, то в последнем случае оно выдвигается на первое место, проявляясь в форме самоценной активности индивидуума.

Приметы этой самоценности мы находим уже на ранних этапах онтогенеза. Ребенок, действуя в непосредственном контакте с взрослым, вначале произвольно комментирует свои действия словом. Речь здесь выступает как «эхо» речи взрослого и как непреднамеренный аккомпанемент собственных действий. Именно на этой стадии развития ребенка мы сталкиваемся с первыми элементами рефлексии. Это именно первые проявления рефлексии; здесь нет еще, конечно, того уровня рефлексии, который отличает взрослых и высшей формой которого является *cogito*, появляющийся значительно позднее (по нашим экспериментальным данным, на рубеже подросткового и юношеского возрастов)

(Петровский В. А., Черепанова, 1987). Далее эгоцентрическая речь ребенка, произвольное рефлексивное проигрывание, превращаются в преднамеренное действие ребенка, в способ общения его со взрослым. Такое «превращение» обусловлено тем, что на стадии произвольного словесного аккомпанемента ребенком своих действий взрослые в значительной мере воспроизводят за ребенком его речь, продолжают и поощряют ее. Для ребенка подобное поведение взрослого выступает как подкрепление, и в дальнейшем он произносит слова в расчете на то, что взрослые повторят их вслед за ним, иначе говоря, в расчете на резонанс. Рефлексия вследствие этого постепенно приобретает особую новую функцию побуждения ответного (резонансного) действия взрослого.

Подобно ребенку, взрослый стремится к тому, чтобы разделить с близкими переживание новизны только что открытого им и познанного. Он «передает» значимые свои переживания другим людям не из стремления «самоутвердиться», а для того, чтобы покорить другого, и тем более не в обмен на какую-то иную, ценную для него вещь. Он делится с другим тем, что ценно для него самого, чтобы другой человек испытал то же, что и он сам, он производит *общее*. Но производство общего и есть по существу то, что мы можем и должны считать *общением*.

Таким образом, деятельность, осуществление которой определялось целевой ориентацией на объект, в ходе своего

движения перерастает в рефлексию и далее открывается нам как трансляция другим людям приобретений собственного опыта, то есть как общение.

Предваряется ли деятельность сознанием? Имея в виду процессы осуществления деятельности, со всей определенностью необходимо утвердительно ответить на этот вопрос. Действительно, раз целенаправленность приобретает для нас значение определяющей характеристики деятельности в синхроническом аспекте ее анализа, то сознание обязательным образом должно быть рассмотрено в качестве исходного условия протекания деятельности. «Всякая деятельность включает в себя цель, средство, результат и сам процесс деятельности, и, следовательно, неотъемлемой характеристикой деятельности является ее осознанность», — отмечают авторы статьи «Деятельность», известные философы и методологи А. П. Огурцов и Э. Г. Юдин в последнем (третьем) издании «Большой советской энциклопедии». Они, однако, не различают синхронический и диахронический планы анализа деятельности, и поэтому подобное понимание деятельности как предвосхищаемого сознанием процесса абсолютизируется, что совершенно закономерно приводит авторов к утверждению о том, что «деятельность как таковая не является исчерпывающим основанием человеческого существования. Если основанием деятельности является сознательно формулируемая цель, то основание самой цели лежит вне деятельности, в сфере человеческих идеалов и цен-

ностей». В одной из наиболее глубоких современных разработок, специально посвященных категории деятельности в науке, Э. Г. Юдин писал: «Разгадка природы деятельности коренится не в ней самой, а в том, ради чего она совершается, где формируются цели человека и строится образ действительности, какой она должна быть в результате деятельности» (Юдин, 1978, с. 286).

Однако когда предметом психологического анализа становится происхождение того, ради чего она (деятельность) совершается, и того, где формируются цели человека, что также подчеркивается Э. Г. Юдиным, то в поле зрения исследователей вновь попадает деятельность, но представленная не столько моментами реализации тех или иных содержаний сознания целей, образов, сколько выходом за их пределы, то есть процессами прогрессивного движения деятельности. На недопустимость смещения функционального (в наших терминах «синхронического») и генетического («диахронического») аспектов анализа при исследовании деятельности справедливо указывали В. П. Зинченко и С. Д. Смирнов (Зинченко, Смирнов, 1983) в связи с изучением взглядов Э. Г. Юдина.

Мы видим, как в психологических разработках, посвященных категории деятельности, прежде всего в исследованиях представителей школы А. Н. Леонтьева, сначала имплицитно, а потом все более явно выступает идея дифференциации процессов, реализующих те или иные содержа-

ния, имеющиеся в сознании, и процессов, порождающих инновации индивидуального и общественного сознания. Оба вида процессов характеризуют деятельность. Но первые суть процессы осуществления деятельности, вторые – самодвижения деятельности. В первом случае, следовательно, сознание должно быть понято как опережающее деятельность, во втором, наоборот, как производное от деятельности.

Является ли деятельность процессом? Признак целенаправленности осуществляемой деятельности служит опорным для понимания деятельности в синхроническом аспекте ее рассмотрения как *процесса*. Интуитивно, и без специального анализа, ясно, что *цель*, направляющая активность субъекта, придает ей планомерный характер, связывает все постепенно вовлекаемые в деятельность элементы внешнего и внутреннего мира индивидуума, прочерчивает маршрут для непрерывно следующей по нему «точке» внимания. То, что казалось разрозненным (отдельные действия с различными вещами), теперь органически связано друг с другом «мостиками» мысленных переходов. «Деятельность представима как процесс с привлечением механизмов сознания» (Щедровицкий, 1977). Однако в этом пункте мы пока все еще остаемся в долгу перед исследователями, выделяющими три признака того явления, которое именуют «процессом». Что представляет собой объект-носитель процесса деятельности? Какие стороны этого объекта подвержены динамике? В чем заключается линейность и непрерывность осу-

ществляемой деятельности?

Ни одна физическая вещь, существующая за пределами сознания субъекта, ни одна «вещь», налично существующая в его сознании, не представима в виде интересующего нас объекта-носителя процесса деятельности. Для того чтобы такой объект предстал перед нами как объект-носитель процесса, его необходимо как-то «соединить» с целью, представить двояким образом: с одной стороны, как нечто, налично существующее, а с другой стороны, как нечто, существующее лишь потенциально и в своем потенциальном бытии соответствующее цели субъекта. «Как я создаю статую? Беру глыбу мрамора и отсекаю все лишнее...», – раскрывает «секреты» творчества скульптор. Мрамор, становясь скульптурой, выступает как носитель, точнее как один из носителей процесса деятельности (другие носители – орудия и сам творец). Шутка ваятеля иллюстрирует отмеченную двойственность носителя процесса деятельности. Упрощенно такой объект может быть представлен как своего рода «кентаврическое» образование, одна из частей которого существует в настоящем, а другая (предвосхищаемая согласно цели) – в будущем.

Но, конечно, подобного «кентавра» в природе не существует, и любые попытки как-то рационализировать (тут хочется сказать – «обуздать») эту метафору приводят нас к мысли, что носитель процесса деятельности не представим в виде вещи или обычного свойства какой-либо вещи. Пе-

ред нами не вещь, а особое отношение, существующее между принятой целью и наличной ситуацией деятельности. Это отношение характеризуется, во-первых, тем, что преследуемая цель по своему предметному содержанию не идентична наличной ситуации деятельности и даже противостоит ей (момент противоположности), и, во-вторых, тем, что цель эта может быть воплощена на основе преобразования данной наличной ситуации и, следовательно, включает в себе возможность (прообраз) будущего изменения, отвечающего цели (момент единства). Последнее означает, что все элементы наличной ситуации: побудительные, ограничительные, орудийные, строительные – выступают как носители особого *системного* качества – «быть условием осуществления цели деятельности». Это системное качество не сводится к каким-либо их физическим, натуральным свойствам. Тем не менее, оно объективно существует как обусловленная природными особенностями соответствующих элементов возможность превращения их в компоненты будущего синтезируемого продукта. Итак, перед нами отношение противоположности и единства между наличными и целевыми определениями бытия индивидуума, между данным и заданным, актуальным и потенциальным. Системные свойства элементов наличной ситуации деятельности в процессе ее осуществления превращаются в собственные свойства продукта, воплотившего в себе исходную ее цель. Процесс деятельности, следовательно, может быть осмыслен как посте-

пенное преодоление этого противоречия, которое, тем не менее, сохраняется на протяжении всей деятельности. Это противоречие и является *носителем* процесса деятельности.

Необходимо принять во внимание и тот факт, что цель, реализуемая индивидуумом, всегда многоаспектна. В ней представлены состояния субъекта, объекта, способ обращения с орудиями, последовательность операций и т. д. Поэтому противоречие, образующее основу деятельности, также многоаспектно. Каждый из аспектов этого противоречия образует тот или иной *параметр* динамики осуществления деятельности, конкретную «сторону процесса». Так, можно говорить о динамике представлений и аффектов человека, о физических, химических и других аспектах преобразования окружающих вещей и т. д. В ходе деятельности меняется образ мира в единстве его когнитивных (познавательных) и аффективных сторон, и меняется сам мир, запечатлевающий себя в образе. Целостный процесс деятельности выступает перед нами в своих многочисленных динамических проекциях: во внешней динамике индивидуума, в его физических движениях, и во внутренней его динамике – эволюции сознания, постоянных изменениях окружающих вещей и людей.

Наконец, каждый из этих параметров в каждый момент времени характеризуется мгновенным предметным «*наполнением*» – конкретной формой единства наличного и целевого, данного и заданного. Перед нами, таким образом, непрерывно происходящая актуализация потенциальных свойств,

содержащихся во внешних и внутренних условиях, характеризующих как самого индивидуума, так и его предметно-социальное окружение, развернутое во времени превращение системных свойств элементов наличной ситуации деятельности в собственные свойства ее продукта, воплотившего в себе ее исходную цель. Осуществление деятельности – *процесс*.

Совсем по-иному предстает перед нами деятельность, когда мы рассматриваем ее в диахроническом аспекте. Движение деятельности есть порождение новых, идеально не предвосхищаемых индивидуумом «сторон»: новой телеологии, которая раскрывается с каждым шагом развития деятельности и до выполнения этого «шага» не существует ни в виде какого-либо субъективного прообраза, ни тем более в виде какой-либо физически данной вещи. Деятельность выходит «за берега», воздвигнутые для нее имеющейся целью. Движение деятельности не есть процесс или, во всяком случае, не может быть удовлетворительно описано на основе прежде принятого нами способа описания процесса осуществления деятельности.

Видима ли деятельность? Можно ли ее наблюдать? Решение этого вопроса раздваивается. Если иметь в виду взгляд «со стороны», с позиции внешнего наблюдателя, то в конечном счете восприятие деятельности в ее осуществлении мало чем отличается от восприятия каких-либо других явлений действительности. Размышляя над очень простым, ка-

залось бы, вопросом: «Что значит воспринять что-либо?», психологи дают довольно сложный ответ, выделяя в образе восприятия три слоя. Первый слой – «чувственные впечатления»: ощущения, доставляемые органами чувств и образующие то, что иногда называют «чувственной тканью сознания». Второй слой – это «значения», приписываемые воспринимаемому объекту, запечатленные в общественном или индивидуальном опыте идеальные «меры» воспринимаемых вещей, общественно-обусловленные категории сортировки элементов чувственного опыта. Они неотделимы от соответствующих знаков – в человеческом обществе преимущественно языковых (слова). Третий слой – «смыслы», определяющие место воспринимаемого объекта в человеческой деятельности, шире – в его жизни. Восприятие есть такой процесс чувственного отражения действительности, в ходе которого индивидуум не только приобретает те или иные чувственные данные, но и категоризует («означивает»), не только категоризует, но и осмысливает (в частности, оценивает) их. Восприятие никогда не есть только синтез ощущений, это еще и понимание, выявление личного отношения к воспринимаемому. Необходимым условием полноценного восприятия, как видим, является соотнесение чувственных впечатлений с некоторым эталоном, подведение их под определенную рубрику – категоризация.

Если бы мы захотели, конечно, очень грубо выразить эту мысль применительно к восприятию проявлений чьей-либо

деятельности, то роль категоризации в восприятии могла бы быть проиллюстрирована обращением к пантомиме. Смысл пантомимы как жанра искусства во многом определяется тем, что зрители должны постоянно решать одну и ту же задачу категоризации своих впечатлений, приписывания определенных значений происходящему. Пока эта задача не решена, человек переживает какую-то интригующую его незавершенность, а если задача никак не решается, – то незавершенность, раздражающую «частичность» восприятия. И только возможность категоризовать, «означить» свои впечатления преодолевает это чувство неопределенности, делая восприятие полноценным.

Необходимость означения, понимания для переживания завершенности восприятия можно было бы проиллюстрировать ссылкой на многие другие примеры. Но о пантомиме мы вспомнили неслучайно. Если бы мы захотели очень просто и кратко выразить отличие того, что мы называем деятельностью, от поведения, интерпретируемого в духе ортодоксального бихевиоризма, то последнее можно было бы назвать пантомимой, которую «зрители» (исследователи) не понимают и категорически не хотят понимать как деятельность, то есть осмыслить как целенаправленный, сознательный акт. Но «деятельность», как уже было сказано, не тождественна «поведению» в бихевиоризме. Восприятие деятельности возможно в той мере, в какой наблюдателю доступно усмотрение ее цели, «прочтение» намерений, которые стре-

мится осуществить в своем «поведении» субъект.

Все это справедливо применительно к сложившимся, «ставшим» формам деятельности. Но если предметом наблюдателя становится *движение* деятельности, то тезис о ее «наблюдаемости» уже не может быть принят. Ретроспективно, то есть когда новая форма деятельности уже утвердилась, аналитик, возможно, и сумеет восстановить последовательность событий в «точках» становления и развития деятельности. Но пока, в ходе ее становления и развития, этого сделать нельзя. Впечатления о «чем-то происходящем» будут при этом накапливаться, но смысл и значение того, что происходит, приходят позже.

Исключение, пожалуй, составляют случаи, когда наблюдателю заранее известны возможные траектории движения деятельности, когда значения, которые можно было бы воссоединить с чувственными впечатлениями о «чем-то происходящем», уже выработаны и готовы. Так бывает, когда деятельность учеников складывается и развивается по законам, заранее известным учителю, и ему не составляет труда экстраполировать будущие перестройки знаний, побуждений, умений и т. п., о которых самим ученикам, может быть, ничего не известно. Точно так же опытный психолог, психиатр или просто человек, хорошо знающий людей, может заранее предугадать, что произойдет с кем-либо дальше, к чему сведутся те или иные усилия, с какими проблемами тот столкнется и т. п. Однако здесь перед нами, строго говоря,

не «восприятие» движения деятельности, а мысленное прогнозирование будущих проявлений чьей-либо активности – прогнозирование, которое и генетически, и функционально противостоит «приписыванию значений» в актах восприятия. Суть различий может быть выражена так: в актах восприятия приписываемые значения «проецируются» субъектом в ту точку субъективного «пространства – времени», в которой это впечатление было получено. Мысленное же прогнозирование – это построение или актуализация возможных моделей будущего на основе данных о прошлом и настоящем объекта познания; это – опережение будущих возможных впечатлений моделями возможного будущего. Слова «возможное будущее» здесь очень важны. Прогнозирование есть всегда построение проблематического знания – в поле сознания прогнозирующего субъекта намечен и альтернативный вариант рассматриваемого объекта. В случае предвещения будущей судьбы деятельности актуализируемое или конструируемое знание (модель будущего) всегда имеет более или менее условный характер, ибо любое подлинное знание динамики деятельности включает в себе также и знание принципиальной неполноты этого знания, невозможности жесткого и однозначного предсказания следующего «шага» развивающейся деятельности. Таков психологический аналог известных закономерностей движения физических объектов в микромире.

Итак, извне воспринять деятельность в ее движении

невозможно, а удается лишь развернуть веер возможных продолжений деятельности, да и то при достаточной компетентности наблюдателя. Но, может быть, эта трудность преодолима изнутри: самим индивидуумом-носителем деятельности? В том случае, если деятельность сформировалась, сложилась, он, как это очевидно, без труда рефлектирует то, что в практическом или теоретическом плане делает. Неслучайно некоторые авторы обозначают деятельность как явление «интеллигибельное», самопрозрачное, непосредственно открытое субъекту в момент действия (см. *Стрельцова*, 1974, с. 60–61). Восприятие деятельности обеспечено в данном случае имеющейся целью, которая, «как закон», определяет не только сам акт, но и направленность его интерпретации субъектом.

Однако в случае несформированной, только еще находящейся в состоянии становления деятельности или деятельности в «точке» ее развития, роста рефлексия происходящего необходимо неполна, ибо условия для полноценной рефлексии (ясное представление цели, оперативный образ ситуации и т. п.) еще не сложились. Этим, в частности, объясняется безуспешность интроспективного познания творческого акта в момент порождения решения. Требуется кропотливый последующий анализ, позволяющий «означить» произошедшее.

Особо отметим тот парадоксальный факт (о котором еще пойдет речь дальше), что в том случае, когда поведение чело-

века как будто бы вполне достоверно прогнозируется другим человеком и этот прогноз становится известным первому, соответствующее знание может деформировать перспективу дальнейшего развития деятельности. Итак, «ни извне», «ни изнутри» движение деятельности непосредственно не выступает как адекватно воспринимаемое, или, если кратко, движение деятельности – «невидимо».

* * *

Перед нами два портрета деятельности. На одном из них контуры деятельности четко очерчены. Мы различаем ее субъект и объект, признаки предвосхищаемости ее сознанием и представимости ее в виде процесса, качество открытости наблюдателю. Это – портрет деятельности, выступающей со стороны реализации индивидуумом имеющейся у него цели, то есть процесса целенаправленной активности. На другом портрете – контуры деятельности теряют четкость.

Известно, что, когда в поле зрения наблюдателя оказывается быстро движущийся предмет, его очертания становятся нечеткими, «смазываются». В нашем случае утрачивают свою четкость, смазываются черты субъектности, объектности и другие характеристики деятельности. Таков портрет деятельности в ее движении. Подлинное представление о деятельности мы, конечно, можем получить только тогда, когда совместим в своем сознании оба изображения. Они образу-

ют своего рода «стереопару», позволяющую нам увидеть деятельность рельефно, в единстве синхронического и диахронического аспектов анализа, в диалектике самоутверждения и самоотрицания деятельности. Обыденное сознание всегда имеет дело с одной только проекцией деятельности – с процессами целенаправленной активности и практически никогда – с другой ее стороной, выступающей в процессах целеполагания, в которых реализуется развитие деятельности.

Парадный портрет деятельности выполнен, скорее, в натуралистической манере, передающей видимую незыблемость форм, но уж никак не в импрессионистской, в большей мере схватывающей движение изображаемого, – «изменение вообще». Реализм в понимании и изображении деятельности, по-видимому, предполагает достижение синтеза этих двух начал.

Причина того, что обыденное сознание не справляется с этим требованием углубленного изображения деятельности, заключается в том, что оно объясняет феномены самодвижения деятельности, руководствуясь представлением о некоей «конечной» цели, будто бы постепенно воплощающейся во всех без исключения актах деятельности. Развитие деятельности остается при этом непонятым и непознанным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.